Морпех – победитель магов

Автор:
Александр Зорич

Морпех – победитель магов

Александр Зорич

Пушки против магии (Эксмо)

Новый роман признанного мэтра отечественной приключенческой фантастики Александра Зорича!

Борьба с пиратством у берегов Сомали – привычная для морпеха работа. Отправляясь с борта фрегата «Ретивый» в рейд на остров Сокотра, где обнаружена пиратская база, старший лейтенант Сергей Щукин не волнуется: сила и правда на его стороне.

Однако странный природный феномен, случившийся в ходе боя, лишает морпехов близкой победы. Щукин и его друг старшина Незванов обнаруживают, что попали в странное место – вокруг них восточный город в духе сказок «Тысячи и одной ночи». Торговцы волшебными зельями, боевые маги, василиски, саламандры и громадные циклопы… К счастью, автомат Калашникова и пулемет «Печенег» отлично работают и в незнакомой вселенной!

Александр Зорич

Морпех – победитель магов

В оформлении переплета использована иллюстрация художника Н. Дихтяренко

© Зорич А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

40 миль на зюйд-вест от Сокотры

Индийский океан, Аденский залив

Надрывный ревун боевой тревоги одним рывком выхватил старшего лейтенанта Сергея Щукина из цепких объятий сна.

Щукин открыл глаза и, быстрее чем успел оглядеться, принялся шнуровать высокие ботинки. Со времен училища это действие стало для него рефлекторным как дыхание.

Его соседа по кубрику – замкомандира БЧ-5 Константина Филина – на месте не было.

«Видать, вахту стоит, согласно купленным билетам», – промелькнуло в сознании старлея.

В дверь вопросительно постучали.

– Да! – гаркнул Щукин осипшим со сна голосом. – Можно!

На пороге появился упитанный краснолицый сержант Шведенко, командир второго отделения. Его взгляд был озабоченным, и даже хищное жерло подствольного гранатомета «ГП-30» на его автомате глядело как-то особенно сердито.

– Товарищ старший лейтенант, по указанию капитана Баранова сообщаю вам, что нас поднимают на настоящее дело. Это не учения, пойдем на пиратов.

– Да я понял по гранатомету твоему, что не на учения. – Щукин тер глаза кулаками. – Ты мне скажи: полным составом или как?

Шведенко деликатно подавил зевок и ответил:

– Похоже, полным. Вам приказано лететь с моим отделением на вертолете. Остальные отделения выбрасываются катерами…

– Ого! И катера, и вертолет… Не много ли гадам чести? – С этими словами лейтенант засупонился на все положенные застежки комплекта полевой экипировки «Ратник» и, по давно выработавшейся привычке, попрыгал на месте – ничего ли не звенит? Ничего не звенело – за исключением, конечно, тестикул.

– Много чести, согласен. Но уж больно гады наглые попались. Сухогруз захватили!

– Наш?

– Наш. «Академик Вавилов».

Щукин присвистнул. Целый сухогруз! И не чей-то, а Российской Федерации! Вот это ЧП так ЧП!

Такое уже и по телевизору могут показать. «Авось и Ксюха увидит… И поймет наконец, дурында, какое счастье потеряла», – подумал Щукин с тоской.

Их транспорт – многоцелевой вертолет «Ка-62» – уже вовсю рубил лопастями студеный утренний воздух. Щукину показалось, что машина подпрыгивает, пританцовывает от нетерпения.

В широкий бортовой проем, обнаженный сдвинутой дверью, втягивался хвост второго отделения, командиром которого и был краснолицый Шведенко.

Щукин узнал тяжелую поступь гранатометчика Краснова, собранную походку снайпера Ковача и необъятные плечи сержанта Монина, заместителя Шведенко. За ними прошмыгнула щуплая фигурка переводчика со всех мыслимых местных наречий на сравнительно понятный русский, бывшего студента Университета дружбы народов Мустафы, фамилию которого из четырех кашляющих слогов ум Щукина просто отказывался запоминать.

Бронежилет болтался на Мустафе как мамин лифчик на пятикласснице – по меткому замечанию дяди Вовы, закадычного друга Щукина, несмотря на разницу в возрасте и званиях.

Сам дядя Вова, их ротный старшина, цедя нечленораздельный матерок сквозь сцепленные зубы, явился на сцену спектакля несколько мгновений назад. Квадратная челюсть, стрижка «ежик», веселые глаза гуляки.

В огромных лапищах он сжимал ценный реквизит – ручной пулемет «Печенег».

Щукин знал, что вообще-то дядя Вова больше любит бить из «крупняка», сиречь из 12,7-миллиметрового «Утеса». Но Баранов настоял, что на штурм «Вавилова», в придачу к установленному на борту «Ка-62» в шкворневой установке «Утесу», надо взять еще и тактически мобильный «Печенег».

«Небось начальство прорицает, что будем мы по трюмам шарить, зашкерившихся пиратов выковыривать», – подумал Щукин уныло. Это дело он искренне ненавидел. В частности потому, что большинство потерь – оно как раз в трюмах вот таких вот…

– Как сам, старшина? – спросил дядю Вову Щукин.

– Хуже, чем в пивной, лучше, чем на губе, – философически ответствовал тот.

– Что по поводу дела думаешь?

– Кончать надо болезных. И быстро, – сказал дядя Вова ласковым голосом доброго людоеда, указывая взглядом во мглистые морские дали, где обитали «болезные», то есть пираты.

– Быстро и быстрее быстрого, – согласился Щукин.

– Кореец. Красавец, – вынес вердикт дядя Вова и, картинно поднеся к губам пальцы щепотью, причмокнул.

– Где кореец?! Какой красавец? – вскинулся Щукин.

Никаких корейцев он на крыльях мостика захваченного сухогруза «Академик Вавилов» не наблюдал.

Два субъекта, вооруженные ржавыми «калашниковыми», были черны, как нефть, кучерявы и определенно не принадлежали к монголоидной расе.

– Я не про людей. Я про сухогруз, – пояснил дядя Вова снисходительно. – Он корейской постройки вообще-то. Их, таких красивых, целых четырнадцать штук для России на Инчхонских верфях наклепали.

– Откуда данные?

– Из открытой печати. Ты, старлей, тоже хоть иногда «Голос Севастополя» почитывал бы… Оно кругозор-то расширяет.

– «Голос Севастополя»! Кто ж мне дает? – Щукин покраснел – как всякий раз, когда приходилось бесстыдно врать. – Я когда до кают-компании добираюсь, там только телефонный справочник и остается. Да еще устав строевой службы… Все остальное – на руках!

Вообще-то в редакции «Голоса Севастополя» работала его девушка, Ксения. И Щукину, после недавней очень серьезной размолвки, которая, пожалуй, тянула на разрыв отношений, каждая буква в «Голосе Севастополя» напоминала о ней…

Разговор Щукина со старшиной, происходивший у приоткрытой бортовой двери с «Утесом» на шкворне, был прерван капитаном Барановым – командиром взвода и непосредственным руководителем операции по освобождению многострадального сухогруза.

– Товарищ старшина, ставлю боевую задачу, – обратился Баранов к дяде Вове. – Будете бить из пулемета туда, куда красными ракетами дадут целеуказание с катеров… Это понятно?

– Более чем.

– Без целеуказания не стрелять. Без моего прямого приказа тоже, – продолжал Баранов. – Когда обе группы с катеров поднимутся на борт и дадут нам «добро» на высадку, вы берете «Печенег» и идете замыкающим с отделением Шведенко, – с этими словами капитан махнул рукой в глубь транспортного отсека, где, подобно голодным стервятникам на утесе, восседали бойцы второго отделения.

– Так точно!

Пока капитан Баранов говорил, Щукин прогнал через свое воображение картинку самого наиближайшего будущего.

Вот два штурмовых катера «Белуга» лихо подлетают к покрытым ржавыми потеками бортам сухогруза с обоих клюзов. Летят на палубу выстреленные из специальных линемётов концы. Лязгают о металл «кошки». Под прикрытием огня – ритмично щелкают по глухому фальшборту пули – наверх лезут стрелки из отделений кавказца Ачасоева и северянина Рытхэу…

Вот в этом месте, возможно, потребуется деятельное участие дяди Вовы и его «Утеса». Если пиратам вдруг покажется, что они имеют возможность напружинить хвост на русских морпехов, задача дяди Вовы – хвост им этот открутить…

Затем что?

Затем штурмовые группы понесутся по палубе к входам в трюм и к трапам, ведущим на надстройки.

В это же время пилоты завесят «Ка-62» над крышей мостика и настанет черед их отделения.

Впереди – бойцы Шведенко.

За ними – дядя Вова с верным «Печенегом».

И наконец он – Щукин. Несокрушимый, как Валуев, и невыносимо крутой, как Джейсон Стэтэм.

Ну и переводчик Мустафа – у него, Щукина, под мышкой.

Но реальность смело перечеркнула это батальное полотно.

Второй пилот, свесившись через подлокотник, заглянул в транспортный отсек и прокричал несколько слов.

Но что-то было не так – ни Щукин, ни Баранов не услышали ни звука в своих наушниках.

«Не слышу!» – жестом показал Баранов пилоту.

«Отбой!» – точно так же, на языке жестов, разъяснил пилот в ответ.

– Но почему «отбой»?! – заорал Щукин, пытаясь перекричать турбины.

«Всё потом!» – отмахнулся пилот.

Машина, заложив крутой вираж, легла на обратный курс.

Щукин, дядя Вова, Баранов и все отделение Шведенко с тоскою смотрели на то, как их чернокожие цели приплясывают на палубе от счастья и крутят вертолету факи.

Кривляющиеся пираты делались всё меньше, а Индийский океан вокруг – наоборот, всё неохватнее. Настроение неумолимо ползло вниз. Вопросы множились.

«Только зря разбудили», – зло подумал старлей Щукин, закрывая красные от перманентного недосыпа глаза.

Часть первая

Глава 1. Добрый доктор с «Академика Вавилова»

22 мили на ост от Сокотры

Индийский океан, Аденский залив

После ужина, неожиданно для всех, назначили совещание, на которое Щукину было невыносимо лень идти.

Мало что он ненавидел так люто, как говорильню.

Но он, конечно, пошел. Флот – это не то место, где что-то можно всерьез ненавидеть и куда-то всерьез не ходить.

Как оказалось, Щукин явился последним. Командир фрегата капитан второго ранга Васильчик уже хлебал из серебряной ложечки свой черный чай с лимоном, комвзвода Баранов чистил ногти засохшим жалом исписавшейся авторучки, дядя Вова, в миру старшина Незванов, сидел у иллюминатора с отсутствующим видом, а командиры отделений – Рытхэу, Ачасоев и Шведенко – образовали живописную группу на обитом искусственной кожей диванчике.

Щукин занял свободный стул рядом с дядей Вовой.

Однако его присутствие, казалось, ничего не изменило. Баранов молчал. Васильчик – тоже. От командиров отделений никто ничего другого и не ожидал.

– Кто-то еще должен прийти, я так понимаю? – спросил старлей дядю Вову шепотом.

– Дед Пихто, – пробормотал старшина бездумно. Мыслями он был далеко – на Графской пристани Севастополя, среди красивых барышень и лепечущих трогательную ерунду туристов.

Но тут на вопрос Щукина ответила сама жизнь: дверь распахнулась, и на ворсистый ковер кают-компании ступила нога в дырчатом кожаном ботинке ценою в четверть зарплаты Щукина. Это был прикомандированный к их фрегату на время боевой службы майор Грошев – офицер особого отдела штаба Черноморского флота.

За ним, словно тень за хозяином, вошел совсем незнакомый Щукину персонаж. Человековедческих навыков старлея хватило на то, чтобы не обмануться: несмотря на загар, несмотря на арабский народный костюм, состоящий из тюрбана и длинной хлопчатобумажной рубашки, именуемой «галабея», перед ними был белый человек, причем русский, причем имеющий некоторое отношение к флоту. Уж больно уверенно он ступал по палубе, закоренело сухопутный люд так не умеет.

– Буду краток, – явственно подражая президенту, портрет которого красовался у него в каюте над фотографиями жены и дочки, начал Грошев. – Прервать операцию по освобождению сухогруза «Академик Вавилов» нас заставил ультиматум сомалийских пиратов. Мы думали, что экипаж корабля заперся в машинном отделении сухогруза, как это обычно происходит. Но главарь злоумышленников, некто Шейх Салем, который, конечно, никакой не шейх, а злостный рецидивист и отброс общества, – при этих словах особиста все присутствующие морпехи как по команде плотоядно осклабились, – вышел с нами на связь. Он заявил, что моряки взяты в заложники и, более того, вывезены с борта сухогруза в надежное место… То есть штурмуй мы сухогруз или не штурмуй, освободить экипаж мы не сможем.

– А, кстати, Гриша, можно вопрос? – вклинился кап-два Васильчик. Только ему позволялось перебивать такую шишку, как Грошев, и звать его «Гришей».

– Ну.

– Ты говоришь, заложники в надежном месте. Но кто в таком случае управляет «Академиком Вавиловым» и, главное, работает с судовой машиной?

Щукин, дядя Вова и другие одобрительно закивали. Вопрос был дельным.

Обычно ведь как? Пиратам еще хватает ума, чтобы управляться с навесной бензиновой тарахтелкой на своем катере. Но вот уже справляться с исполинским, но таким нежным судовым дизелем им клепки недостает. И чему здесь удивляться, если маслопупской премудрости учат по три-четыре года в мореходках, тогда как многие из чернокожих робингудов и читать-то не умеют!

Вопрос, как показалось Щукину, поставил особиста в тупик. Он бросил ищущий взгляд на своего спутника в галабее, как будто тот должен был знать ответ. Но незнакомец лишь испуганно пожал плечами.

«Тоже переводчик, что ли? Или ученый? – подумал Щукин. – Уж больно дерганый…»

Но недаром майор Грошев столько лет просидел в штабе, лавируя между рифами разведслужбы и мелями оперотдела! Уж он-то умел изобразить компетентность на пустом месте.

– Об этом, Ваня, мы поговорим позже, – веско сказал Грошев, глядя на командира «Ретивого» с братской задушевностью. – А пока что главное – наших людей спасти… К счастью, благодаря доктору Уфимскому, – Грошев жестом конферансье показал на загорелого мужчину в тюрбане, – мы знаем, где их искать!

После этих слов общественное внимание удвоилось. Стало ясно, что помимо общих трали-вали прозвучит нечто действительно секретное. То, ради чего и впрямь имеет смысл собирать брифинги.

Получив порцию въедливых взглядов, доктор Уфимский начал свой сбивчивый рассказ:

– Я вообще что… Ну два года уже на этих рейсах… В основном на «Вавилове»… Работы, честно говоря, немного… Одно-другое… Как-то раз был, правда, аппендицит… Но в основном отравления… Когда в Сингапуре том-ям всей командой ели в какой-то не шибко чистой забегаловке на берегу, пришлось четырех человек госпитализировать, дизентерия… Потом еще был вросший ноготь… Ой, извините, я, кажется, не о том…

– Ничего-ничего, мы всё понимаем, у вас стресс, нелегко пришлось, – с пылкостью любящей мамочки заверил доктора майор Грошев.

– Да, пираты, в общем… Я как раз давление мерил старпому, когда они на нас напали… Две лодки подошли. В каждой человек по пять. Наши, конечно, по инструкции… Запустили водометы. Одно, другое… Стали их отгонять… Они вроде даже отстали… Но тут подлетел из-под берега Сокотры еще третий катер, очень необычный… С такой как будто юбкой.

– На воздушной подушке, что ли? – догадался кап-два Васильчик, его лоб прорезала крутая морщина.

– Ну, наверное, – часто закивал Уфимский. – И вот с него как шарахнули по «Вавилову» из пулеметов! И сразу три водомета перестреляли… Ну, капитан наш, Головня его фамилия, по ним из табельного в ответ начал… Но что им его пистолетик, да? Они в десять стволов ответили! – Уфимский обвел собравшихся взглядом, в котором читался животный ужас. – В общем, захватили они нас…

Доктора вновь перебил Васильчик.

– Извините, конечно. Вы сказали «из-под берега Сокотры»?

– Да… Тут же других островов нет? Только Сокотра, верно?

– Да ясное дело, других нет! – взвился Васильчик. – Но международный маршрут движения для гражданских судов – он от Сокотры ой как далеко! Двадцать миль нордовее! Двадцать! Гребаных! Морских! Миль! – Васильчик воздел перст указующий к подволоку. – Чтобы вам было понятнее, это больше тридцати пяти километров! Вы Сокотру вообще видеть не должны были! Вам старпом, когда вы ему давление мерили, ничего такого не говорил?

Уфимский почесал затылок, словно что-то припоминая.

– Ну да, ну да… Он же потому и распереживался! Что-то говорил такое, дескать, с курса сбились, неполадки с приборами… Ну я не очень разбираюсь… Потом у него самого спросите.

– Спросим, конечно, – сказал кап-два, безмолвно добавив про себя: «Если будет у кого спрашивать».

Грошев, который выслушивал этот обмен репликами с выражением нарастающего недовольства, вдруг заговорил, точно закаркал:

– Хотя это не имеет прямого отношения к вопросу об освобождении заложников, для особо любознательных дам справку: как успел отбить радист «Вавилова», захват корабля произошел в четырех милях к югу от западной оконечности Сокотры. Сухогруз занесло туда потому, что на нем одновременно отказали все три компаса.

– Быть такого не может, Гриша! – возмутился Васильчик. – Чтобы все три!

– Ты дослушай, Ваня! – майор предупредительно выставил руку. – Также у них какую-то ерунду показывала навигационная спутниковая система ГЛОНАСС.

– Полный пинцет.

– Но поскольку основным грузом корабля являются отечественные зенитно-ракетные комплексы «С-500» для наших африканских друзей из республики Нагония, лично я предполагаю, что перед нами заказной угон, к которому готовились чуть ли не с Новороссийска, откуда «Академик Вавилов» вышел десять дней назад…

Старлей Щукин и старшина Незванов заинтригованно переглянулись. Мыслимое ли дело: «заказной угон»!

– Товарищ Уфимский, расскажите, что пираты сделали, когда связали вас и экипаж?

– Я же говорю. Повязки на глаза намотали, посадили в лодку… Отвезли на какой-то остров. Как оказалось вскоре, на Сокотру. Там форт есть, «Три дерева» называется. Старый, португальский. Ну как форт… Скорее, руины… Но некоторые стены хорошо сохранились. Как и подземелья… В общем, в одно из таких подземелий они нас посадили.

– Связанными?

– Нет. Развязали. Им, я так понял, возиться с нами было лень. Это ж если связанными – кормить нас из ложечки, поить, в туалет опять же…

Присутствующие понимающе закивали. В туалет чужих дяденек водить – оно, конечно, то еще удовольствие. Особенно, когда по серьезному вопросу.

– Но вам, надо полагать, удалось сбежать? – впервые за все время подал голос капитан Баранов, который до этого мрачно молчал, скрестив руки на груди – ни дать ни взять маршал Жуков в дни операции «Марс».

– Да, удалось! – с вызовом ответил доктор.

– И как же?

– Я вот уже объяснял, – доктор кивнул на особиста.

– Просим повторить еще раз. Так сказать, на бис. – Баранов поглядел на Уфимского в упор своим фирменным стальным взглядом.

– Ладушки, мне не трудно… В общем, там, рядом с фортом португальским, есть соленое озеро. По сути, морская лагуна. Но она отрезана от открытого моря перемычкой старого кораллового рифа. В лагуне этой – большие глубины. Получается как бы такой вертикальный колодец, который вглубь уходит… От него – боковое ответвление, идет сквозь риф и открывается прямо в море… Если уметь – можно нырнуть в лагуне, а вынырнуть уже в открытом море. Насквозь тоннель пройти… Подобная штука в Дахабе есть, если знаете… Голубая Дыра называется.

– В египетском Дахабе, что ли? – Баранов прищурился.

«В египетском, в египетском, можно подумать, какой-то другой Дахаб есть», – подумал старлей Щукин, но из соображений субординации промолчал.

– Я знаю! – радостно воскликнул Шведенко. – Когда я школьником был, мы там с родителями отдыхали. У меня до сих пор футболка есть, «Хочу быть дайвером». Я в ней на даче картошку окучиваю.

Уфимский несмело улыбнулся и Шведенко, и Баранову, и далекой курской картошке.

– Прошу не отвлекаться, – Баранов поморщился. – Так я повторяю вопрос: товарищ Уфимский, вы имеете в виду тот Дахаб, который на Синае в Египте?

– Конечно, – доктор торопливо кивнул.

– Хорошо. А скажите мне, товарищ Уфимский, что с того, что тоннель там был, ведущий в море из озера? Вам разве пираты акваланг выдали, чтобы вы в заложниках не скучали?

– Мне акваланг не нужен. Я фридайвер.

– Фри что?

– Ну, ныряю без акваланга. Только с тем воздухом, который в легких. Как в фильме «Голубая бездна», не смотрели?

– Нет, – твердо сказал Баранов. Он в тот день был, что называется, букой.

– Если не смотрели, объясню. Я десять лет занимаюсь фридайвингом, и мой личный рекорд – сорок два метра. Без акваланга.

Щукин присвистнул. Он погружался с аквалангом лишь однажды, но страху натерпелся на всю оставшуюся жизнь, после чего дал себе обещание никогда и ни за что больше. А тут чувак настолько крут, что вообще без акваланга обходится! На таких глубинах!

– С вашими навыками надо было не в доктора, а в спецназеры идти, – улыбнулся Васильчик.

– У меня трудовая династия. Папа судовой врач. Дедушка тоже…

– Династия – это аргумент.

– В общем, я так понял, что вы тоннель пронырнули как фридайвер, – констатировал Баранов без тени улыбки.

– Да.

– А потом?

– Доплыл до рыбацкой лодки, там по ночам местные кальмаров ловят… Я и сам на их свет плыл, как кальмар… В общем, отдал им свои часы… А они за это меня отвезли на материк. Там я уже до полицейского дошел, в посольство позвонил…

– Неужели номер наизусть помнили?

– Что вы! Полицейский для меня нашел в справочнике… Ну дальше вы знаете.

Уфимский сел. По лицу его градом катил пот – и это несмотря на то, что кондиционер в кают-компании работал на полную.

Вниманием собравшихся вновь завладел Грошев. Всё то время, пока доктор Уфимский вел свой рассказ, он сидел в углу и корчил рожи, словно хотел показать, что тот рассказывает всё не то, не так, не в тех выражениях и не с теми акцентами. Теперь, к счастью, он имел возможность исправить все ошибки докладчика.

– Я тут что хотел подчеркнуть? Что наши ребята, по-видимому, живы. И что пираты полностью уверены, что спрятали их надежно. А потому охрана там совсем несерьезная. Человек пять-шесть. Конечно, закладываться надо на дюжину. Но в любом случае это нам по зубам без посторонней помощи…

– Так что, на Сокотру пойдем? – Баранов мигом повеселел.

– А варианты? Мы же не сможем отбить «Вавилов», пока не освободим экипаж! Террористы обещали, что если мы предпримем попытку штурма сухогруза, они убьют всех! – Грошев развел руками. И, повернувшись к капитану корабля, спросил:

– Ваня, твой прогноз, за сколько дойдем до восточной оконечности Сокотры?

– До восточной оконечности Сокотры или до границы территориальных вод за восточной оконечностью Сокотры? – уточнил въедливый Васильчик. – Тут вопрос в том, мы за горизонтом прячемся, чтобы нас с острова видно не было, или нам без разницы?

– Да, от визуального обнаружения надо бы скрыться, – таков был вердикт Грошева.

– Понял. Тогда нам следует заложить еще крючок, чтобы обойти район лова кальмара. Там в это время слишком много рыбаков. Спалимся, как пить дать… Короче, к исходу следующих суток в район выйдем… Это устраивает?

– Вообще-то дело не терпит… Но с другой стороны – нам второго вертолета дождаться надо.

– Это зачем еще?

– Затем, что по моему плану экипаж «Вавилова» мы будем эвакуировать с Сокотры на вертолетах. Так надежней. А то что-то смущает меня эта их хрень на воздушной подушке, которую доктор упомянул… Очень уж быстроходная.

– То есть вы нам еще и морской бой пророчите, товарищ майор? – мрачно ухмыльнулся Баранов.

– Перестраховаться никогда не повредит, – пожал плечами Грошев. – Пираты – это люди, у которых вместо головы фейерверк. И ты никогда не знаешь, когда начнется шоу…

Глава 2. Форт «Три дерева»

Остров Сокотра

Индийский океан, Аденский залив

Доктор Уфимский, фридайвер, тоже находился с нами.

И, я так понял, был ни секундочки этому не рад.

Чувака, конечно, можно понять. Вначале попасть в заложники, потом совершить отважный побег, и всё это под страхом погибнуть от пули пиратов. Добраться наконец до своих и тут… И тут выясняется, что это еще не хеппи-энд! И что растреклятый форт, из которого ты только что ускользнул, надеясь никогда не увидеть его вновь, ждет тебя пождет.

Как же так получилось, спросите вы? Что доктора Уфимского чуть ли не силой заставили принять участие в операции по освобождению заложников из форта «Три дерева»?

Во всем был виноват Баранов, который – и это я заметил еще во время нашей первой встречи с Уфимским – доктора сразу невзлюбил.

Баранов сказал примерно следующее. У меня во взводе в боевом выходе должно быть два фельдшера. А по факту – имеется только один. Если вдруг что случится с нашим единственным фельдшером Жереховым, кто окажет помощь раненым? А где взять второго фельдшера? Правильно. Негде. В общем, пойдете с нами.

Бедолага Уфимский бросился было к Васильчику с жалобными воплями – вы командир корабля, первый после бога, прекратите этот произвол.

Но Васильчик, представьте себе, поддержал Баранова! Дескать, верно капитан говорит. Заодно, сказал, поможете им на месте сориентироваться, чтобы они цистерну с этой вашей лагуной не перепутали…

Кстати, о цистерне.

Это, чтоб вы знали, а я сам теперь знаю, вовсе даже не большая железная бочка для воды или горючки. Цистернами в странах Востока называют совсем другое. А именно: копаные бассейны, обложенные камнем, где накапливается дождевая вода.

Классическая цистерна имеет еще полукруглый кирпичный свод над бассейном – чтобы вода не испарялась. Но, в принципе, с разрушенным кирпичным сводом или почти без него – тоже цистерна.

Пресная вода у них на Востоке на вес золота. Поэтому к цистернам отношение серьезное. В каждой крепости, в каждом форте такие есть обязательно.

Имелась цистерна и в форте «Три дерева». Вот как раз неполная такая цистерна, с разрушенным кирпичным сводом.

К ней с холма – не знаю как его называли йеменцы, но мы обозначили его на картах Ананасом, за внешнее, понятно, сходство – спускалось русло пересохшего ручья.

Всё это важно. Потому что по плану мы через это русло должны были проползти. И в цистерне, где воды было от силы по пояс, собраться для броска…

В общем, лежу я, старлей Щукин, на вершине холма Ананас.

Смотрю в прибор ночного видения на форт.

Вокруг цикады разрываются. В далекой рыбацкой деревушке брешут собаки.

Со мной два наших лучших снайпера – Ковач и Мохов. И пара стрелков для прикрытия.

Мы со снайперами считаем цели. То есть открыто расположенную живую силу противника. То есть пиратов.

У меня получается пять голов.

У Ковача – шесть.

Такая вот арифметика.

Где правда? С кем?

Переползаю к Ковачу. Смотрю с его точки. Может, кто-то под лопушком затаился? Да, правда, затаился.

Есть шестой. Маячит на вершине квадратной башни форта. Башен там, кстати, две, как доктор и обещал. Одна квадратная, а другая – круглая. И повыше. Так вот на высокой – никого. Только флаг пошевеливается под ночным бризом. А на низенькой – часовой.

Жестами распределяем со снайперами цели.

Кого положить в первую очередь, кого во вторую, а кому и до третьей пожить можно.

Смотрю на часы. Два ноль восемь. Хорошо идем.

Нажимаю кнопку на своей «Ромашке», и Баранову уходит короткий шифропакет. Дескать, все в ажуре, шеф, цели идентифицированы, готовы действовать.

Тут же получаю добро.

У снайперов ВСС – винтовка снайперская специальная «Винторез». Вы спросите, а зачем еще? Чем она лучше СВД – «Светки»?

А я отвечу: у «Винтореза» глушитель. И не простой, а интегрированный. Составляет единое конструктивное целое со стволом. Бьешь из «Винтореза», валишь духа, а остальные вообще не понимают, почему он упал. Может, сердечко прихватило?

Короче, командую снайперам «огонь».

Те спокойные, как удавы, – по лицам вижу.

Первыми Ковач с Моховым валят часовых с самой близкой к нам стороны цитадели. (Я так специально рассчитал: их остальные не видят и всполошиться, по идее, не должны.)

Вижу в прибор, как зеленые вертикальные пятна складываются в знаки вопроса и оседают на землю.

Затем настает черед оставшихся часовых. Их еще четверо.

Расчет пулемета берет на себя Ковач, а Мохов занимается праздношатающимся придурком на квадратной башне. Мохову же достается и шестой, самый дальний от нас субъект, который крутится у пристани.

Пристань эта почти так же важна для нас, как цитадель форта.

Она проброшена над отмелью мертвого кораллового рифа до его живой кромки, к глубине.

Именно к ней подойдут наши катера, чтобы забрать нас, когда все кончится.

А как же вертолеты, спросите вы?

А у вертолетов есть пассажиры поважнее. Освобожденные заложники и морпехи из сопровождающего их первого отделения. Также вертолеты обычно вывозят убитых и раненых. Но мне лично хочется верить, что таковых у нас не будет.

Я люблю верить в хорошее.

В общем, часовых перестреляли почти без приключений.

Только один пират – тот, который валандался на пристани, – не был убит наповал первой пулей, и кажется, что-то даже закричал, но шум прибоя погасил его вопли. А Ковач с Моховым слаженно довершили дело.

Потом мы быстро – всем взводом – вышли на ближний рубеж.

Я спустился вместе со штурмовым отделением в цистерну.

Параллельно нашему выдвижению капитан Баранов и два десятка морпехов схоронились в северной финиковой роще.

Тут надо пояснить важное: форт «Три дерева» не имел полноценной крепостной стены. Точнее, при португальцах-то, пятьсот лет назад, стена, конечно, была. Но потом местные козопасы растащили кладку на свои курятники (а, впрочем, почему только курятники, на жилые дома тоже растащили, как я убедился очень скоро).

Народ на Сокотре хороший. Только свое свободное время очень ценит и тесать новые камни ни за что не станет… Не португальцы совсем.

В итоге вместо нормальной стены новые арабские хозяева окружили форт полутораметровой изгородью из черт знает чего.

Где-то в нее пошла глина.

Где-то сухие пальмовые листья.

Где-то коровьи кизяки. Короче, сельская община и ее мегатехнологии…

Внутрь этого, с позволения сказать, периметра попали не только круглая да квадратная башни цитадели. Не только цистерна да соленая лагуна, из которой доктор Уфимский совершил свой рекордный заплыв с подныриванием под коралловый риф, но и царица местных полей… Нет, не кукуруза, а финиковая пальма. Аж целых две плантации пальм – одна побогаче, другая поплюгавей.

Первая находилась вплотную к цистерне. А та, что поплюгавей, произрастала на юге от цитадели.

Ну а те три дерева, которые дали имя форту? Это небось тоже были пальмы?

Нет, не пальмы.

Приподнимаюсь я, значит, над краем цистерны и вижу, что сбоку от нее, из нормального, к слову, кирпича, сложена стена. А из-за нее выглядывают интеллигентные такие веточки.

Что за деревья? Абрикосы? Сливы?

Не понять. Листьев вроде как вообще нет. Видно только, что на веточках ленты развешаны. Разноцветные небось. Но в темноте точно не видно, какие. Видно только, что ленты.

Деревьев, увитых лентами, было три.

Вот именно в честь этих деревьев форт и назвали.

Возвращаюсь к диспозиции.

Я, восемь архаровцев Ачасоева и дядя Вова с пулеметом «Печенег» – в цистерне.

Баранов, доктор Уфимский, фельдшер Жерехов, переводчик Мустафа и еще двадцать морпехов – в северной пальмовой роще. То есть, в принципе, по соседству с нами.

Как по мне, половина там была – лишние. Их вообще можно было в рейд не брать.

Но – кого именно не брать? Линейное отделение Шведенко? Или «тяжелое» отделение Рытхэу? Ведь у Рытхэу в отделении и два гранатомета вместо одного, и реактивные огнеметы «Шмель», и даже АГС – автоматический станковый гранатомет!

Как знать наперед: или на нас пятнадцать придурков в трениках россыпью побегут, или вдруг ржавая бронемашина прикатит? Какой-нибудь, прости господи, «Сарацин»?

Оттого и потащил Баранов столько баранов, уж извините за грубый каламбур.

И вот мы снова обменялись с комвзвода кодами.

И вот мы пошли.

Гуськом, плотненько, как какой-то антитеррористический спецназ.

Вообще-то это не наша тактика. Но в том рейде я хотел, чтобы наши силуэты широким фронтом не маячили.

Даже самый старый прибор ночного видения, купленный мелким гаденышем на аденской барахолке за тощую пачку соточек, мог решить судьбу нашего рейда, предоставь мы затаившемуся наблюдателю возможность узреть шевеление наших тушек.

Лидирующий группу дядя Вова – а по смыслу нашей тактики на нем вместо большинства наворотов и примочек «Ратника» висел тупо второй броник с керамическими плитами толщиной в ногу дистрофика – бодро взбежал вверх по сложенным из ракушняка ступенькам. Взбежал – и слился со стеной квадратной башни цитадели, утонул в тени.

Мы, один за другим, проделали то же самое, и вот уже нет нас, мы тоже стали стеной.

Теперь – обежать башню кругом, открыть или вышибить дверь.

Вперед ушли всё тот же дядя Вова и ефрейтор Гена Гладкий.

Вместо штатного автомата я разрешил Гладкому взять только легкий пистолет-пулемет «Кедр», ведь его основной боевой нагрузкой в том рейде была пятикилограммовая корабельная кувалда, позаимствованная мною лично у

красы и гордости БЧ-5 фрегата «Ретивый» механика-двигателиста Задорожного.

Если верить доктору Уфимскому, все мы находились в каких-то трех разнесчастных метрах от заложников.

Как такое возможно? Да очень просто! У форта имелись обширные подземелья, расположенные прямо под двумя уцелевшими башнями. В них и томился экипаж «Вавилова»: капитан злополучного сухогруза, старпом, суперкарго, двигателисты, крановщики… В общем, все за исключением сбежавшего доктора Уфимского.

Я в последний раз изучил в прибор ночного видения окрестности и, не обнаружив никакого подозрительного движения, тихонько пиликнул в рацию Гладкому, чтобы начинал.

Ефрейтор как следует размахнулся и обрушил кувалду на деревянную дверь.

С первого же удара она разлетелась в щепу.

Внутрь заскочил дядя Вова, поводя стволом пулемета из стороны в сторону.

Внутри башни было пусто, и старшина маякнул мне, что можно заводить людей.

Быстрой перебежкой я и два стрелка со мной присоединились к дяде Вове. Остальные бойцы отделения остались снаружи под началом своего командира Ачасоева, как и было предусмотрено нашим планом.

Выяснилось, что никакого люка, ведущего в подземелье, здесь, в квадратной башне, нету.

Дело в том, что доктор не смог точно разъяснить, где именно следует нам искать вход в подземелье. (Сам он, с его слов, выбирался каким-то хитрым, тесным подземным лазом. Настолько тесным, что, исходя из описания доктора, через него не смогли бы проползти экипированные бойцы.)

Вместо люка сыскалась еще одна хлипкая дверь. Ей даже кувалда была ни к чему – дядя Вова высадил препятствие ногой.

За ней открылась крытая галерея, уводящая в соседнюю башню.

Соваться в эту узость, вдобавок легко простреливаемую, мне не велели инстинкты. Но возвращаться не велел долг!

«Вперед», – показал я.

В башне нас ждали двое. Один краше другого.

На том, что справа, еще сохранились остатки одежды – шорты с майкой – и имелся нательный крест. На левом никакой одежды не осталось, а его череп и кости были чистенькими, беленькими, как на продажу.

Да, это были человеческие скелеты. Их приковали к кладке башни тяжелыми цепями. Точнее, приковали-то еще живых людей…

«Интересно, чем проштрафилась эта парочка?» – подумал я. Очевидную версию, что перед нами заложники, за которых так и не заплатили выкуп, мне проговаривать, даже про себя, не хотелось…

Я поймал взгляд дяди Вовы, исполненный смутной тревоги, и мне сразу стало ясно, что мой боевой товарищ подумал о том же самом.

Самих-то скелетов ни он, ни я, ни мои парни, конечно, не боялись.

Я вообще скажу вам: мы, морпехи, не из пугливых. Тот же Гладкий в пьяном виде любит порассказывать, что не боится даже ядерной войны.

Дурак, конечно. Нашел чего не бояться. Ядерной войны я тоже не боюсь.

А чего должен бояться русский морпех? Ну, без вопросов: очередного перекраивания штатов родной части. После которого он, морпех, останется без должности и получит от любимого флота под зад коленом.

Вот на эти страхи и закладывай лихо болт по пьянке!

Глава 3. Подземелье

Остров Сокотра

Индийский океан, Аденский залив

Вход в подземелье нашелся за каменной выгородкой позади скелетов. (Я так понял, когда поостыл, что их туда повесили специально, чтобы нервных граждан от этого входа сразу отваживать.)

Мы спустились по высоким источающим холод ступеням вниз, присвечивая себе невидимым для простых смертных светом инфракрасных фонарей.

А поскольку ступали мы совершенно бесшумно, как учили, то наше явление для спящих страдальцев-морячков с борта «Вавилова» было сродни нашествию злобных демонов ночи.

Один даже с испугу закричал. Причем не классическое «помогите!» и не героическое «русские не сдаются!», а нечто длинное и непечатное.

Ай-яй-яй, совсем политморсос у ребят просел…

Чтобы поднять этот самый политморсос, я включил обычный желтый фонарь и подсветил им свое честное русское лицо. К слову, гладко выбритое.

– Меня зовут Сергей Щукин. Я старший лейтенант морской пехоты Черноморского флота. Мы пришли сюда специально за вами. Раненые есть?

Всё это я сказал очень тихо, почти шепотом.

– Да, двое, – ответил седой усатый мужчина лет пятидесяти пяти из темноты, щурясь встречь лучу фонарика. – Я капитан.

Что характерно, капитан отвечал в полный голос. То ли был твердо уверен, что пираты нас не услышат, то ли сам факт нашего появления в подземелье воспринял как указание на то, что пиратов мы всех перебили.

– Идти могут?

– С нашей помощью… Кажется, какая-то инфекционная дрянь.

– Значит, это не раненые, а больные, – сказал я.

– Да какая, к черту, разница, – устало огрызнулся капитан. Было видно, что они нас, мягко скажем, заждались. А поэтому радоваться нашему появлению у них уже не осталось сил.

Я на сердитого капитана не пенял. Окажись я в его шкуре, я тоже вряд ли предстал бы перед спасателями Сахаром Медовичем.

От меня требовалось задать последний принципиально важный вопрос, и можно было начинать вывод заложников на свет божий.

– Весь экипаж сухогруза здесь? – спросил я. – Или кого-то пираты содержат отдельно?

– Все, кроме доктора. Тот, кажется, смог сбежать… О его судьбе мы ничего не знаем, – сказал капитан.

– С его судьбой все норм, – усмехнулся я. – Собственно, это он нас к вам и привел.

– Ну, слава богу! А то мы уж всякое думали…

Я обвел фонариком всё помещение. На меня смотрели изможденные, грязные, небритые люди. Но глаза на их лицах были живыми, исполненными света и надежды, и какими-то, что ли… родными.

Есть моменты в нашей профессии, ради которых стоит ею заниматься.

Этот был одним из таких.

Проблемы начались, когда первая гражданская физиономия показалась в дверном проеме квадратной башни.

И проблемы очень серьезные.

Южная финиковая роща – доселе элегически безмолвная и подчеркнуто торжественная в серебристом звездном свете – взорвалась адским огнем.

Ливень пуль обрушился на древние камни башни, высекая яркие искры и порождая опасные рикошеты.

Закричал раненый ефрейтор Гладкий. Скрючился от боли старпом «Вавилова» – пуля пробила ему бок.

Бойцы Ачасоева сразу же ответили. Под прикрытием их огня в башню отполз дядя Вова. Он тоже, к слову, не забывал посылать в рощу лучи любви и добра калибра семь шестьдесят два.

Через минуту ваш покорный слуга, вжимаясь во вспотевшие предутренней росой камни, доложил Баранову:

– Командир, засада! Не меньше десяти стволов! Вывести заложников не могу. Прошу помощи.

– Десять стволов? Но доктор же говорил, что… Впрочем, какая на хер разница теперь. Жди, сейчас что-то придумаю.

Пока Баранов придумывал, а дядя Вова искал огневую позицию на круглой башне, я прокачивал ситуацию.

Ситуация рисовалась в самом черном свете.

Даже если бы «тяжелое» отделение Рытхэу обладало способностью выжечь из огнеметов и гранатометов южную рощу до состояния эталонной человеческой лысины, на это ему потребовалось бы немало времени. А пиратам достаточно одного стрелка, чтобы держать под огнем выход из квадратной башни и полностью блокировать вывод заложников!

Пока отделения Шведенко и Рытхэу будут воевать, мы потеряем время. Встанет солнце, вместе с этим уйдут наши тактические преимущества, гарантированные внезапностью и приборами комплекта «Ратник». Старпом умрет от потери крови, а ефрейтор Гладкий возненавидит весь мир, потому что боль огнестрельного ранения – вещь серьезная.

Что же делать?!

А вот что: если нас обстреливают с юга, а Баранов ждет нас рядом с цистерной на севере, значит, надо… уходить на север! На север! Используя башни цитадели как прикрытие от вражеского огня!

Но что для этого требуется?

Пробить дыру! Только бить ее надо не в башнях – велика опасность получить камнепад на свою буйну головушку – а в той галерее, которая башни соединяет!

Сказано – сделано.

Я подозвал к себе Ачасоева и поставил задачу.

– Так что, взрывать? – спросил командир отделения неуверенно.

Да, Ачасоев был полон сомнений, и я его понимал. В самом деле, герои голливудского боевика достали бы из широких штанин вездесущую «пластическую взрывчатку Си-4» и, налепив ее в количестве парочки жевательных резинок, проделали бы в любой стене брешь диаметром в железнодорожный тоннель.

Но в жизни-то, дорогие друзья, чтобы каменную кладку ломать, взрывчатки больше надо. А взрывчатка ударную волну дает. Да такую, что в закрытом

помещении можно от обширной баротравмы и загнуться. А никакой возможности переждать взрыв на свежем воздухе у нас не было, свежий воздух очень уж хорошо простреливался…

– А варианты? – осведомился я.

– Можно еще подкопаться под стену саперными лопатками, – предложил Ачасоев. – Но только копать мы будем до завтра…

С минуту мы с сержантом напрягали мозги и сделались похожи на два чайника на грани закипания. Пока не застонал в очередной раз раненый ефрейтор-молотобоец Гладкий и я не вспомнил про наше пятикилограммовое чудо нанотехнологий имени механика Задорожного.

– Попробуешь кувалду? – спросил я.

– Попробую! – обрадовался Ачасоев. – Только кувалда эта, товарищ лейтенант, сейчас под обстрелом…

Ачасоева я никогда особо не любил, но именно поэтому я ни за что не хотел допустить, чтобы с ним по моей вине случилось что-нибудь непоправимое. И мысль о том, что его придется прикрывать огнем с вершины башни, не вызвала во мне внутреннего отторжения.

– Когда я бахну из подствольника, – сказал я, – дуй ползком за кувалдой. Мы со старшиной в два ствола причешем этих охламонов… Но сам понимаешь, у тебя будет максимум секунд пятнадцать.

– Постараюсь уложиться, – кивнул Ачасоев, сделав сосредоточенное лицо.

Я позаимствовал у младшего сержанта Елеферина ручной пулемет «РПК-74 М» и присоединился к дяде Вове на вершине круглой башни.

Тот как раз менял патронную коробку своего «Печенега».

Процедура эта, к счастью, незатейливая. И потому через пять секунд мы уже распределили сектора огня, и я бахнул из подствольника зажигательной гранатой ровно в центр пальмовой плантации – туда, где проходила воображаемая разграничительная линия между нашими с дядей Вовой трудовыми делянками.

Сосредоточившиеся под пальмами супостаты хотя и получили уже на орехи от бойцов сержанта Рытхэу, разгромленными себя явно не чувствовали.

Шесть призрачных силуэтов ползли на запад, явно намереваясь просочиться к сухому руслу, ведущему к цистерне, чтобы обстрелять гранатометчиков Рытхэу во фланг.

Я машинально отметил, что эта паскудная шестерка может перещелкать и заложников, когда они дадут стрекача от цитадели к северной финиковой роще.

Но в ту секунду отвлекаться на них мы не имели права – на кону стояла жизнь сержанта Ачасоева!

Так что пришлось мне обрушить всю мощь своего «РПК» на пулеметный расчет в моем секторе ответственности.

Что же до дяди Вовы, то его «Печенег» взялся перепахивать рощу под носом у пятерых придурков, которые, и это я заметил сразу, волокли некий подозрительно тяжелый предмет.

Каждая третья пуля у нас была зажигательно-трассирующей. Поэтому мы сразу же подожгли подложку из сухих пальмовых листьев – она запылала, да так ярко и сочно, что на ум полезли самые апокалиптические сравнения.

В свете оранжевых языков пламени я увидел, что громоздкая ноша пиратов является не чем иным, как… станковым гранатометом «СПГ-9» «Копье». Нашим, отечественным – зацените, какова подлость! Ну кто мог знать, что за 50 лет «Копье» распространится по всему миру не хуже «Калашникова»!

А в следующий миг по нашей огневой позиции ударили вражеские автоматы. Так что я был вынужден спрятать голову за каменным зубцом башни и заняться

заменой магазина в своем «РПК».

К счастью, Ачасоев обернулся очень шустро и снизу до моего слуха донеслись первые удары кувалды.

Как я и надеялся, сложена галерея была то ли небрежно, то ли очень небрежно.

Поэтому с десятого удара камни начали вываливаться из стены один за другим (об этом мне сообщил по рации сам Ачасоев, которому один из этих камней умудрился упасть на ногу, вызвав лавину нецензурщины).

Я предупредил Баранова о том, что уже через пару минут ему предстоит принять освобожденных заложников, и описал надвигающуюся угрозу:

– С запада цитадель обходит группа пиратов. Вы должны отсечь их огнем где-то сбоку от цистерны.

– Не вижу ни черта, – раздраженно ответил Баранов. – Мешает эта их драная изгородь! Можешь захерачить по ним трассирующими, дать целеуказание?

– Попробую, – вздохнул я, Мистер Незаменимость.

То, что на наших с дядей Вовой плечах теперь повисла еще и эта шестерка нехристей, мне не нравилось совсем. Стоило тащить с собой всё отделение Рытхэу, чтобы в итоге за всех отдувались комвзвода и старшина роты!

Баранов как будто почувствовал мое настроение и сказал:

– Я сейчас гранатометчиков к холму переброшу. Они помогут. Но трассирующими ты все равно шмальни!

– Да шмаляю, шмаляю.

Башня, которую мы с дядей Вовой оседлали, была, напомню, скорее руиной башни.

На юг из нее открывался пристойный обзор благодаря двум проломам, через которые мы и вели огонь.

А вот западная часть башни, как назло, сохранилась лучше. И мне, при моем среднем росте, выцелить крадущихся вдоль изгороди супостатов было нелегко… На что бы взобраться, чтобы стать повыше?

Как я ни напрягался, кроме широкой спины дяди Вовы ничего не вырисовывалось.

– Ты серьезно, что ли, полезешь? – испуганно спросил старшина, когда я изложил ему свой план.

– Ну.

– Какой-то цирк голимый, по-моему.

– По-моему, тоже. А кроме цирка что предложишь?

– Да не знаю я!

– Вот именно. Поэтому прошу тебя как друга: встань на четыре и потерпи минуту.

– Будешь должен, – зло буркнул дядя Вова и обреченно опустился на четвереньки.

Но даже одной минуты мне судьба не предоставила.

Я успел только выглянуть поверх края каменной кладки и узреть в прибор ночного видения горячее облачко дыхания над изгородью.

Затем я выпустил, целясь на метр ниже облачка, полмагазина своего «РПК».

И тут же за моей спиной жахнуло!

Да так жахнуло, что я свалился со спины дяди Вовы и покатился кубарем.

«Станковый гранатомет!» – блеснуло в мозгу объяснение.

Но нет, это был еще не «СПГ-9» «Копье». А всего лишь усиленная тротиловыми шашками осколочно-фугасная граната из легкого «РПГ-7».

Увесистый реактивный снаряд «Копья» ударил в башню пятью секундами позже, когда я пытался докричаться по рации до Баранова.

От взрыва, казалось, раскололись небеса.

Я ощутил, что площадка башни уходит из-под ног.

Прямо перед моими глазами, как в замедленной съемке, проплыл «Печенег» дяди Вовы. Одна за другой протащились разноцветные гильзы в ленте. Лунатически пролетели стертые подошвы сапог старшины…

Потом, вероятно, мое сознание на несколько секунд выключилось. А когда я начал снова воспринимать реальность в нормальном, а не замедленном темпе, я обнаружил, что свет моего налобного фонарика скользит по стенам подземелья, куда мы неумолимо проваливаемся вместе с обломками клетки, в которой держали наших заложников…

Обнаружилось, что подземелье имеет еще один, нижний этаж, и весь он занят арсеналом местных пиратов.

Мой захмелевший от контузии взгляд скользнул по американскому тяжелому пулемету «Браунинг М2» на внушительной треноге, затем по ящикам с французской тарабарщиной, по ровным рядам оперенных реактивных снарядов, спутать которые невозможно было ни с чем, по дырявым ведрам с проржавленными звеньями пулеметных лент…

А в следующий миг я обнаружил, что на меня с грохотом валится высокий стеллаж, с которого сыплются патроны россыпью и гаечные ключи, металлические масленки и колба с подозрительно ярко светящейся зелено-голубой жидкостью.

«Надо Баранову срочно… По рации… Обо всем сказать», – промелькнуло у меня в сознании.

Я повернул голову и увидел дядю Вову, который лежал на полу, раскинув руки крестом. Лицо у него было мучнисто-бледным, на щеке кровила солидная ссадина. Глаза его были закрыты.

«Жив? Только бы был жив!»

Но помочь ему я не успел. Сверху меня накрыла звенящая лавина боеприпасов, и последнее, что я видел, была та самая колба с зелено-голубой флюоресцирующей жидкостью, емкостью литров эдак в десять.

«Сейчас разобьется», – подумал я и под звон осколков утонул в незнакомом, ни на что не похожем густом и плотном сиянии.

Глава 4. Что можно купить на пять рублей

Координаты уточняются

Когда я открыл глаза, вокруг была разлита такая беспросветная темень, что я испугался: а вдруг я умер? И сейчас черти подхватят меня под микитки, поволокут прямо в ад, ведь, конечно, есть за что…

Но потом я понял, что не умер я, нет.

Потому что, когда «умер», ничего не болит.

А у меня, например, болела пятая точка, она же задница. Потому что в нее упиралось что-то твердое и острое.

А еще у меня ныла правая нога, заваленная кирпичом. И было мне холодно. И хотелось в туалет, отлить. Разве хочется после смерти отлить?

Рядом со мной громко застонал дядя Вова. Мне даже показалось, я разобрал слово «отвали». Кому он говорил?

Мне вдруг стало любопытно. Я сел и включил фонарик.

И – вздохнул с облегчением.

Слава богу, дядя Вова тоже был жив. Мы с ним находились в том самом помещении, куда провалились после взрыва.

Оружейные ящики, высокие стеллажи, пулеметы, гранатометы и самое разное барахло, незаменимое в солдатской жизни…

Стены помещения были изобильно украшены на вид древними и достаточно художественными фресками. Никаких подобных росписей я, перед тем как потерять сознание, не запомнил. Но это, в общем, и не удивляло. Не до грибов нам тогда с дядей Вовой было. То есть не до фресок.

– Отвали, говорю, – сомнамбулически, не открывая глаз, простонал дядя Вова.

Его чуть одутловатое лицо с густыми котиковыми бровями, в бодрствующем состоянии имевшее либо картинно мужественное, либо глобально озабоченное выражение, теперь было по-детски простодушным. Будь я бабой, я бы обязательно по этому поводу умилился, как они это умеют. В духе: надо же, какой симпатичный!

Я потряс дядю Вову за плечо и сказал тихо, но отчетливо:

– Товарищ старшина, воздушная тревога.

Сработало. Дядя Вова рывком уселся, стряхнув с одежды мелкий кирпичный бой и прочий мусор.

– Какая, нах, тревога? – сказал он осуждающе. – Тишина как в склепе! Не пылит дорога, не шумят листы… – И тут же добавил: – Наши где?

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал я и встал. Вначале на четыре, затем на две.

– Жду от тебя указаний. Как от старшего по званию. И это… подняться помоги, – закряхтел старшина.

То и дело похрустывая рассыпанными по полу гильзами, мы обошли зальчик.

Двери нигде мы не нашли – только пролом в потолке. Там, где-то вверху, было светло и звучно, и я догадался, что, пока мы так лежали, в большом мире скорее всего наступил рассвет.

«Неужели наши сочли нас без вести пропавшими и попросту ушли?» – с тоской подумал я, но свои опасения не озвучил. Зачем портить настроение ближнему раньше времени?

– Знаешь что, если мы ящики один на один поставим, то выберемся, наверное, – сказал дядя Вова, завершив ревизию.

Так мы и сделали.

Держа оружие наготове, мы прошли через то место, где ночью нас встретили скелеты – кстати, обоих на месте не оказалось. («Пошли завтракать», – пошутил дядя Вова.)

Просторный зал на первом этаже башни был в изобилии уставлен какими-то бочками, издававшими отчаянную вонь, разнокалиберными глиняными и стеклянными сосудами и чучелами животных. В одном я опознал броненосца, в другом – кенгуру, но несколько других моим скромным зоологическим познаниям оказались не по зубам. Вот скажите, например, как называется гигантская ящерица, похожая на варана, но только с крыльями и тремя парами лап?

– Мутант какой-то, – сплюнул дядя Вова после того как критически оглядел «варана». Я заметил, всякие отклонения от нормы он истово ненавидел.

Глядя на эти диковинные чучела, я впервые почувствовал нарастающую тревогу.

– Ты лучше скажи, – хмуро прошептал я, – кто всю эту дрянь сюда натащил, пока мы без сознания валялись? И зачем?

– Ну знаешь… Во-первых, может быть, для маскировки. А во-вторых, среди пиратов укуренных всегда много, вытворяют – страшное дело что! Они не опасные, просто чокнутые.

– Хороша маскировочка. Под палату номер шесть, – отрезал я и, держа автомат наперевес, зашагал к выходу мимо угрюмой череды морских животных самого химерического вида.

Но вся эта кунсткамера была просто ерундой по сравнению с теми сюрпризами, которые ожидали нас снаружи!

Оказывается, они – эти загадочные «они» – по этой самой своей укурке умудрились целый город соорудить!

Не такой, конечно, город, как Москва или Севастополь. Но тоже вполне себе… Что-то вроде Адена, в который мы две недели назад на «Ретивом» заходили припасы пополнить.

Описываю и для вас, чтоб вы поняли мои чувства.

Всё пространство между цитаделью и той соленой лагуной, откуда унырнул доктор Уфимский, было заполнено приземистыми глиняными домиками с узкими окнами, забранными деревянными ставнями. На извилистых улочках толкались люди. В залитой солнцем гавани покачивались десятки парусных кораблей и рыбачьих лодок.

– Интересно девки пляшут… – пробормотал дядя Вова.

Я посмотрел себе под ноги. Мы стояли на аккуратно вымощенной желтыми плитами площадке. Перевел взгляд. Стена, которую я помнил выщербленной и изглоданной ветрами, теперь выглядела совсем новой и из-за этого – несокрушимой.

Я поглядел вверх. Башня, из которой мы вышли, больше не была жалким огрызком былого архитектурного величия. Высотой метров под двадцать, она дерзко уносилась в небо и оканчивалась куполом небесно-голубого цвета.

– Посмотри туда… Помнишь холм Ананас? С которого наши снайпера часовых сняли? – оторопело спросил дядя Вова.

– Ну.

– Вон он какой теперь…

Холм, на который указал старшина, изменил форму и стал похож скорее на барабан. Как это? А вот так: с него срезали верхушку и снятый грунт пустили на то, чтобы обсыпать основание холма по периметру, после чего укрепили получившееся при помощи подпорных стен.

На этом холме-барабане возвышался… впечатляющий по своему изяществу и красоте дворец! Мне лично он напомнил увеличенное Ласточкино гнездо, что у нас, в Крыму… Но сходство, конечно, было условным.

– Ты уверен, что это тот самый Ананас? – спросил я, чувствуя, как у меня подкашиваются ноги.

– Ну как – «уверен»… Не на сто процентов. Но где-то на девяносто пять, – ответил дядя Вова.

Тут мой взгляд упал на те деревья, которые запомнились мне ночью. Я еще гадал, что это за сорт такой: то ли абрикос, то ли неведома зверушка…

Тогда, ночью, они были сухими, и в этой их готической, сказочной сухости было нечто такое… запоминающееся.

Так вот, дорогие мои, теперь все три дерева, все три вековых гиганта… цвели! То дерево, что росло посередине, цвело золотыми цветами. То, что справа, – серебряными. А левое – бронзовыми.

И всё. Ни листьев никаких. Ни побегов. Только ветки и цветы. И запах – сладкий, дурманящий, пряный…

– Они что, за ночь расцвели? – спросил дядя Вова.

– Ага. И дворец за ночь построился. Сам.

– Что делать будем?

– Искать консула… Как учили, – сказал я строго. – Хотя для начала я бы пожрал. У меня в животе так пусто, будто мы там неделю без сознания провалялись…

– Двое нас таких, – кивнул дядя Вова мрачно.

К лавкам со съестным нас вывел назойливый аромат говяжьей котлетки, который доносился откуда-то с юго-востока.

На этот-то аромат мы и пошли, как зачарованные.

Лавок была целая улица.

Возле каждой толпился народ, в основном мужчины, хотя попадались и женщины.

Мужчины о чем-то ожесточенно спорили с торговцами. Женщины молча крутили носами. (К слову о женщинах. Я отметил, что одеты они были не как мусульманские тетки, а скорее как индианки: во всё яркое и блестящее, с массой золотых и серебряных украшений, что меня несказанно порадовало, потому что когда женщина вся в черном или вся в белом – это как-то не особенно возбуждает мужской интерес.)

Нам с дядей Вовой не хотелось толкаться локтями, поэтому мы остановили свой выбор на ближайшем прилавке, у которого не было ни одной живой души.

Торговец был седобород, седовлас и одет в парчовый халат, перепоясанный богато расшитым поясом. В каждом ухе гражданина горело по десятку золотых колец. Кольцо было даже в носу!

– Салам алейкум, – сказал я уверенно. – Ду ю спик инглиш?

Не то чтобы я сам особенно уверенно спикал по инглишу. Но опыт общения в зарубежных портах у меня имелся, и я знал, что обычно арабское приветствие плюс пара фраз на инглише надежно наводят мосты общения.

Но с инглишем у торговца было не особенно. Он приветливо улыбнулся, поднялся со своей низенькой табуреточки и принялся нахваливать свой товар – многословно и неутомимо.

– Я ни хрена не понял, – сказал дядя Вова. – Но так по виду можно догадаться, что вот в этих бутылках – гранатовый сок, вот это – булочки с какой-то фруктовой начинкой, а это засахаренные орехи. Кешью, что ли.

– А где же котлеты?

– Котлеты, по-видимому, дальше по ряду. Они, кстати, называются обычно «кюфтэ», ну или «кебаб».

Мы тотчас решили выпить гранатового сока и съесть по булке, пока суд да дело.

Торговец оставался адски приветливым и совершенно не возражал. Но тут встал вопрос с оплатой!

К счастью, у дяди Вовы обнаружилась боевая заначка в десять долларов. Старшина торжественно извлек из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумажку и изрек:

– Вот, держи… И имей в виду, что мы рассчитываем на сдачу… Чендж, плиз! – рявкнул дядя Вова на своем деревянном английском.

К нашему вящему удивлению, торговец при виде баксов не выказал никакого энтузиазма. А, напротив, скривился как среда на пятницу.

– Бери-бери, не стесняйся! Да, Америка – большой сатана. Да, вот этот дядя в парике на купюре – сын самого шайтана. Мы это и сами знаем не хуже тебя. Но куда деваться? Мир состоит из противоречий! Мы кокосов не любим, но деньгами ихними пользуемся. И тебе советуем. Потому что куда деваться?

Эта пламенная и исполненная знания жизни во всей ее противоречивости тирада дяди Вовы, однако, не достигла цели.

На лице торговца погасла улыбка. Он нахмурился, сложил руки на груди и поглядел на нас обиженно. Мол, так не пойдет. Не надо мозг компостировать.

– Товарищ хочет наши деньги… Русские, – догадался дядя Вова.

Я нехотя достал из кармана тысячную купюру. «Нехотя» – потому что знаю я их арабский обменный курс. Они тебя и на долларах жухают, а уж на рублях вообще пинцет.

Тот же результат! Только торговец стал еще мрачнее. А булочки запахли еще более призывно!

– Может, он такой дикий потому, что в первый раз видит бумажные деньги и поэтому не хочет их брать? Непривычно ему? – осенило дядю Вову и он принялся обыскивать свои карманы в поисках мелочи.

Аллилуйя! При виде двух пятирублевых монет торговец расцвел, как майская роза. Он вначале прижал металлические кругляшки к сердцу, затем попробовал их на зуб и наконец выдал нам еду и питье.

Мы были так голодны, что уничтожили это все прямо там же, не отходя от лотка.

Я как раз дожевывал булочку, когда вдруг осознал, что…

– У меня самые превосходные микстуры! Наисвежайшие! И эликсиры! Я варю их по рецептам моего прадеда Гасама! А тот варил их по рецептам своего прадеда!

– Что ты сказал? – спросил я у методично жующего дяди Вовы.

Тут до меня дошло, что про «прадеда Гасама» говорил вовсе не старшина, а торговец с кольцами в ушах. И что его язык я вдруг стал понимать!

Я побледнел и вытаращился на служителя прилавка в крайнем удивлении. Тот перехватил мой взгляд и обратился ко мне вроде как адресно, хотя по-прежнему продолжал орать на всю улицу. Как видно – в рекламных целях.

– Меня зовут Урук Золотые Кольца и здесь меня знают все! У меня в продаже всегда наилучшее! Благодаря этому эликсиру, который вы только что выпили, вы станете понимать не только наш язык, но и языки соседних царств! А без эликсира вам бы пришлось потратить годы на то, чтобы выучить хотя бы три сотни слов!

– Слушай, – шепотом сказал я, наклонившись к старшине, – по-моему, я понимаю, что он говорит… Может, я сошел с ума?

– Тогда мы вместе сошли, – ответил дядя Вова нервно. – Потому что я тоже его понимаю.

Мы переглянулись. На лице дяди Вовы была проявлена именно та гамма эмоций, что сейчас колобродила в моей душе: удивление, радость и страх.

– Ничего себе за хлебушком сходили, – криво улыбнулся я.

Но только я собрался поподробней расспросить торговца, невесть каким образом заговорившего на русском (а именно так это чудо выглядело с моей колокольни), как за моей спиной послышался грубый окрик:

– Эй, чужеземцы!

Я обернулся. С той стороны, откуда мы со старшиной только что пришли, к нам следовали двое вооруженных людей в кожаных доспехах, с длинными пиками наперевес и с разукрашенными боевой раскраской свирепыми лицами. Но это всё ерунда. Главное, что вооруженные субъекты восседали верхом на совершенно невероятных существах! Подобных я не видел никогда в жизни и был совершенно точно уверен, что таких на Земле не водится!

Существа перемещались на двух мощных, лишенных меха, лапах и этим напоминали страусов. Однако в отличие от нормальных страусов они имели толстую, покрытую блестящей чешуей шею, которую венчала голова, едва ли уступающая по размерам коровьей.

Голова была украшена ярким петушиным гребнем и вооружена клювом длиной со штык-нож от автомата Калашникова. Даже идиоту было ясно: чтобы прокормить такую тушу, клюв должен быть твердым, как алмаз, он должен превосходно раздирать сухожилия и разламывать любые кости!

– Городская стража, – испуганно пробормотал торговец и потупил очи.

– Но на чем они едут?

– Это племенные василиски из конюшен брата наместника, – сказал торговец дрожащим голосом.

Тем временем приблизившиеся стражники нацелили острия своих пик прямо нам в грудь и, не сводя с нас взглядов, учинили допрос:

– Кто такие? Что делаете в городе?

Мы с дядей Вовой переглянулись: мол, совсем дикие, даже телевизора не смотрят. Правду говорят: чем дальше в Африку, тем ближе к каменному веку!

– Мы – морская пехота Черноморского флота Российской Федерации, – с этими словами я указал на нашивку, что красовалась у меня на плече. Там был изображен наш российский триколор и написано: «Россия». А также и Russia – это для тех, кто пока не осознал потенциал русского языка в качестве средства международного общения. – Я требую немедленно отвести нас к русскому консулу!

Однако вместо того, чтобы проникнуться эманациями державности, исходящими от моей нашивки, стражники откинулись назад в седлах и… омерзительно заржали!

Но с наших лиц не так-то легко было согнать вежливые улыбки. Политзанятия даром не прошли!

Наконец стражники снизошли до объяснений:

– Вы ничего не можете требовать здесь, чужестранцы. Мы никогда не слышали про «Россия». И про то, что у вас здесь есть какой-то «консул», мы тоже не знаем.

– И? – спросил я, продолжая вежливо улыбаться. – И что?

– Мы обязаны доставить вас к магу-дознавателю, – отчеканил тот стражник, который, по-видимому, был за старшего. – Приказываю отдать ваши железные палки и ножи и следовать за нами, держась за хвосты наших ездовых животных!

(Он, конечно, имел в виду василисков.)

Стражник не учел одного – не так-то легко приказывать людям, вооруженным автоматом «АК-12» и пулеметом «Печенег».

Я подал дяде Вове едва приметный знак и тот, не меняясь в лице, перетянул пулемет со спины на живот, не забыв попутно взвести затвор.

– Мы не отдадим вам наши «железные палки». И не пойдем ни к каким магам. Мы, между прочим, православные люди, в церковь ходим по праздникам, – сказал я. – Поэтому предлагаю компромисс. Вы идете своей дорогой, а мы идем своей. То есть искать консула.

Но менты – они и в Африке менты.

Односторонняя природа компромисса была ими сразу же осознана, оценена и отбракована.

Стражники пришли в неописуемую ярость.

Ближайший к нам архаровец пришпорил своего василиска и тот, издав омерзительный злобный клекот, прыжком сократил расстояние до нас,

одновременно широко распахивая свой монструозный клюв и исторгая из него длинный шипящий звук, от которого я, честно говоря, едва в штаны не наделал.

Но не таков был дядя Вова…

Невозмутимый, словно скала, он открыл огонь. После нескольких громких хлопков на землю осел вначале первый василиск, а затем и второй.

Стражники оказались ловкими гадами и успели выскочить из седел быстрее, чем валящиеся туши переломали им ноги.

Но, конечно, силу наших «железных палок» они осознали сразу и теперь на рожон не лезли.

Ощетинившись пиками, они сдали на четыре шага назад.

Мы с дядей Вовой переглянулись. Убивать их? Просто выстрелить по ногам? Вообще, что в таких ситуациях делают?

А может, настал психологический момент удариться в бега?

Однако против «бегов» протестовало все мое замученное ночным боем тело.

Я уж было собрался обратиться к стражникам с прочувствованной речью на тему «давайте жить дружно!», когда наш торговец закричал, обращаясь к торговцам-соседям, которые издалека следили за разворачивающейся коллизией со смесью страха и детского любопытства на лицах.

– Бежим, братья! Боевой маг на подходе!

Торговцев с улицы словно ветром сдуло – только захлопали двери лавок и деревянные ставни.

Мы с дядей Вовой обернулись – что еще за явление?

Спутать этого субъекта с рядовыми горожанами было, конечно, невозможно. Одет он был как персонаж религиозного триллера – в длинный балахон серебристого цвета с островерхим капюшоном. Балахон был собран на талии поясом из литых серебряных бляшек в виде человеческих черепов.

Из широких рукавов балахона выглядывали тонкие кисти аскета-фанатика. Пальцы рук казались узловатыми, как старая виноградная лоза. Лица было не видать, только где-то в тени капюшона горели недобрые глаза с выраженными крупными белками.

– Хорош упырь, – высказался по этому поводу дядя Вова. – Давай, может, я его сразу пристрелю, от греха подальше?

Предложение было, конечно, дельное и вполне своевременное. Но честь русского офицера не велела мне вот так брать и стрелять в безоружных граждан иностранного государства. Пусть даже всё в их облике дышит тяжелым сумасшествием и угрозой…

Пока мы с дядей Вовой гужевались на этой гуманистической ноте, маг приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

Ловким жестом фокусника-манипулятора он извлек из широких рукавов своего балахона два шарика, величиной с пинг-понговые, и хорошо отработанными щелчками послал их в нашу сторону.

В метре перед нами шарики столкнулись и превратились в облако оранжевого дыма.

Стоило клубам этого дыма достичь моих ноздрей, как я чихнул. И от этого богатырского чиха по моему телу пробежала электрическая судорога, как будто меня шарахнуло полицейским тазером.

И в точности как от тазера, я потерял способность двигаться. Похоже, оранжевый дым закоротил какие-то важные проводки в моем мозгу.

В тот же миг громко чихнул дядя Вова. Краем глаза я увидел, как осело на каменную мостовую его грузное тело.

«Вот это попали так попали», – подумал я, обнаружив, что уже лежу рядом со старшиной.

Глава 5. Бин Назим, алхимик и плут

Координаты уточняются

На этот раз сознание мы не потеряли.

Я пронаблюдал весь путь, проделанный нами на спине у василисков. Разумеется, не тех, убитых. А других – их привели стражники, подоспевшие на подмогу.

Поскольку мы были на совесть парализованы и потому не могли ни рукой шевельнуть, ни голову повернуть (и, кстати, говорить мы тоже не могли), дорога запечатлелась в памяти преимущественно как череда разнообразных перевернутых человеческих задниц – моя голова свисала с седла.

Там были облаченные в залатанные штаны и грязные галабеи задницы бедняков, торжественно облитые золотой парчой задницы богатеев, упругие задницы молодых девиц в шелковых шароварах, рыхлые задницы почтенных матрон в обильно расшитых цветами платьях, озорные задницы мальцов в штанишках из домотканого полотна и нежные задницы девочек в юбках из беленого хлопка…

Всё это было прекрасно и очень, так сказать, антуражно. Настораживало только одно: ни одной машины, ни одного велосипеда, ни одной электрической лампочки или жестяной консервной банки за весь путь я так и не приметил…

Приходилось заподозрить, что мы очутились в столь несусветной глуши, что даже на Сокотре такой не встретишь. Где же мы тогда? Где-то южнее Сокотры? В Сомали? Ошиблись островом?

А местность-то вроде та же самая, ночная… Но не могла же она при свете дня настолько измениться!

Страшно хотелось перекинуться с дядей Вовой парой слов. Но мой язык не работал точно так же, как и руки-ноги…

Помню, мы долго шли в гору. Из слов стражника, который правил «моим» василиском, следовало, что мы идем ко дворцу повелителя этих земель, наместника Бин Назима.

В караульной дворца нас свалили на пол как дрова. Там же с нас сняли всё наше оружие и большинство прибамбасов комплекта «Ратник».

Одежду, впрочем, оставили.

Как и бронежилеты, в которых они, видимо, не опознали важной детали воинского снаряжения. А зря.

Должен вам сказать, что когда мое практически бездыханное тело раздевали грубые мужики (эту работу почему-то поручили именно им, а вовсе даже не симпатичным гуриям в шелковых штанишках!), я кипел возмущением и испытывал острое желание пробить с ноги.

Мне хотелось орать и брыкаться! Кому же понравится, что тебя раздевают? Но, увы, орать и брыкаться у меня не получалось…

Минуло несколько часов, которые я провел, неотрывно глядя на большой серый камень в стене перед моим носом. Этот камень, его бороздки, поры и рельеф, его прохладную шероховатость я не забуду до конца своей жизни, так хорошо я его изучил…

Затем я услышал, как с протяжным скрипом отворилась дверь нашего узилища.

Два дюжих стражника взяли меня как труп, за руки и за ноги, и куда-то понесли.

Судя по доносящимся до слуха репликам, дядю Вову тащили следом…

Перед входом во внутренний двор, где как раз вкушал ужин наместник Бин Назим, нас поджидал тот же зловещий мужик в балахоне, с которым мы уже

имели дело возле лавки торговца.

Мужик был настроен по-деловому: он промычал какую-то абракадабру и снова превратил в дым пару псевдопинг-понговых шариков. Только на этот раз дым был не оранжевый, а фиолетовый.

В ноздри ударил резкий запах полыни, и я снова громко чихнул. В голове у меня на секунду помутилось – как будто неодолимое головокружение вдруг нахлынуло, так бывает с перепоя. А когда прояснилось, я обнаружил, что могу не только шевелиться, но и встать на ноги!

О чудо!

Так сильно я не радовался, возможно, вообще никогда в жизни! Это был, товарищи, экстаз! Я снова мог ходить! Прыгать! Нагибаться! Принюхиваться и хмуриться!

Но кто такого не испытал, вряд ли поймет, что за экстаз я имею в виду…

– Так откуда вы все-таки прибыли, чужеземцы? – спросил нас с дядей Вовой Бин Назим, закидывая в рот нефритово-зеленую виноградину.

Наместник имел располагающую внешность: аккуратно подстриженная черная бородка на достаточно интеллигентном и, я бы сказал, «сложном» лице много добившегося плута, плавные движения, мягкая, вкрадчивая речь, лишенная даже намека на какой-либо грубый наезд, орехово-карие глаза под густыми бровями.

На наместнике были белые одеяния с чем-то вроде черного кухонного передника. На этом переднике серебром была вышита эмблема: три дерева и два сокола над ними.

«Это что-то очень крутое», – догадался я.

– Россия, понимаете? Рос-сий-ска-я Фе-де-ра-ци-я! – зачем-то по слогам произнес я, хотя, конечно, понимал, что это без толку. – Я лично из города Севастополя. А

старшина Незванов – так он вообще из Калуги. Но сейчас тоже из Севаса…

При упоминании родного города дядя Вова оживленно закивал.

– Мы друзья всех арабов! Друзья мусульман! Враги Америки! – решил помочь мне старшина, на минуту оторвавшись от поджаристого бараньего бока.

– Америки? А где это? – спросил Бин Назим с довольно неподдельным недоумением.

Вот тут, друзья, я удивился сильнее всего. Даже сильнее, чем когда впервые увидел василиска.

А всё почему?

Потому что привык, что в любой глуши, куда бы меня ни заносило, всегда продается «Кока-кола» и батончики «Марс», все охотно принимают баксы и про Америку уж точно слышали.

Вот те же арабы, например. Вроде бы и враги Америки, да. Но любой араб с удовольствием наврет тебе, что у него в Нью-Йорке живет двоюродный брат, что брат этот владеет рестораном и живет как шейх.

Слово «араб», кстати, тоже оказалось незнакомым, но то были уже сущие мелочи.

– Америка – это большая страна на западе, – ответил я, раз уж он спросил, хотя уже чувствовал, что коммуникация зашла в тупик.

Я твердо решил, что раз непонятно, как обернется жизнь, значит, нужно болтать поменьше, а кушать – побольше. Ах да, я забыл сказать, что Бин Назим был столь любезен, что, не чванясь, пригласил нас за свой стол, который, надо сказать, ломился яствами. В центре, среди овощей, возлежал жареный барашек, поодаль сногсшибательно пахла чечевица, томленная в масле, на красивом чеканном блюде громоздились спелые фрукты – как знакомые мне, так и совсем незнакомые. Вместо привычного нам темного хлеба полагались вездесущие на Востоке тонкие лепешки. Никогда мне не запомнить, как они называются! А вот

их божественного вкуса мне, напротив, никогда не забыть…

Пока я лопал чечевицу, накладывая ее большой деревянной ложкой на восьмую по счету лепешку, Бин Назим продолжал расспросы, полностью игнорируя еду. Сытый-то небось был.

– Ну хорошо. Я понял, что вы прибыли из таких дальних далей, о которых наши корабелы и не слыхивали. Что ж, это возбуждает мою любознательность! И еще, как мне сообщили, вам не чужды ратные искусства… Правильно?

– Не чужды – это не то слово. Батя мой во флоте всю жизнь прослужил, – не переставая жевать, излагал повеселевший дядя Вова. – До старшего мичмана дослужился. Ну и мы с Серегой профессиональные военные. Здесь мы тоже не просто так оказались… А по военной надобности.

– Это по какой же? – уточнил Бин Назим, и его умные глаза блеснули лукавинкой.

– Да с пиратами воевали, ежели коротко.

– С пиратами? – Лицо Бин Назима просветлело.

– Ага. Они наших ребят захватили, с корабля «Академик Вавилов». Пришлось нам их освобождать.

– И что, освободили?

При этом вопросе мы с дядей Вовой переглянулись и помрачнели. В самом деле, освободили или что? Ха зэ.

С другой стороны, разве это разумно, посвящать такого хорошего человека, как Бин Назим, который кормит нас и поит за просто так, во все свои сомнения и печали? Да еще выставлять себя неудачниками?

– Освободили, – уверенно сказал я.

– Ну что же, я не удивлен. С такими магиями, которыми владеете вы, никакие пираты не страшны.

– С магиями? – напрягся я, даже жевать перестал.

– Доверенные люди поведали мне о том, как вы за несколько коротких мгновений при помощи магии своих железных палок убили двух василисков из конюшен моей стражи! А ведь все мы знаем, что, дабы справиться с василиском, воин должен упражняться многие годы, а лучше бы, чтобы с ним была еще и пара его товарищей, всерьез затаивших на василиска зло…

– Ах вот вы о чем! – заулыбался я. – Такой магией мы владеем, чего уж… И, кстати, вам не доложили, где именно сейчас наши железные палки?

– Без них мы чувствуем себя очень одинокими и нелюбимыми, – кротко добавил дядя Вова.

Бин Назим улыбнулся улыбкой опытного царедворца и сказал:

– Дорогие чужеземцы, вы же понимаете, что оставить эти палки при вас было бы с моей стороны крайне опрометчиво?

Мы с дядей Вовой понимающе кивнули. Мол, сами на вашем месте не оставили бы.

– Но я, конечно, прикажу вернуть их вам, – продолжал Бин Назим. – Если вы обещаете мне показать, как ваша магия действует.

– Выстрелить, что ли?

– Называйте это как хотите.

– А куда стрелять-то? Тут все такое офигительное… Просто непостижимо!

Я обвел внутренний двор плавным жестом восхищения.

Я вовсе не льстил Бин Назиму, когда назвал его дворец и сад «офигительными». Всюду мрамор – тут розовый, там цвета топленого молока. Где не мрамор – сложные разноцветные мозаики. В красиво отштукатуренных нишах,

подсвеченных масляными лампами, стоят статуи: женщины и мужчины в героических, исполненных достоинства позах. На клумбах цветы изумительных величин, пород и ароматов…

Не говоря уже о тихо журчащих фонтанах и пальмах, которые были высажены настолько фотогенично, что рука сама тянулась к отсутствующему фотоаппарату!

– Ваша оценка моей скромной обители, не скрою, льстит мне, – улыбнулся Бин Назим. – Но если говорить начистоту, все эти фонтаны и статуи порядком мне надоели. Ежели ваши железные трубки что-нибудь испортят, я буду только рад. Это даст мне повод завести что-то новое изысканное взамен старого изысканного!

– Ну, хозяин – барин, – дядя Вова вытер губы салфеткой. – Сейчас сделаем.

Бин Назим хлопнул в ладоши два раза, и двор его резиденции быстро наполнился людьми.

Там были и давешние стражники, и два десятка лучников, и несколько бедно одетых пареньков, которые везли в садовых тачках наше оружие: пулемет «Печенег», мой «АК-12», кобуры с пистолетами «ПЯ» и подсумки с гранатами – обычными ручными и для моего подствольного гранатомета.

– Можно брать? – я недоверчиво покосился на Бин Назима, когда ко мне подкатили все три тачки.

– Сделайте милость! – кивнул наместник. – Но вам, конечно, следует иметь в виду, что стоит вам совершить одно неверное движение или ненадлежащим образом отнестись к святым узам гостеприимства, связавшим нас, и ваша участь будет плачевна… Мои лучники немедля нашпигуют вас отравленными стрелами, а боевые маги… Впрочем, какая разница.

– С пониманием относимся, – дружелюбно осклабился я. – Позвольте только мне провести с моим коллегой крошечное… эхм… производственное совещание…

– Что-что? – как видно, Бин Назима смутило слово «производственное».

– Мы должны решить, кто и во что будет стрелять, – пояснил я без затей.

Я на шаг приблизился к старшине и вполголоса сказал:

– У тебя сколько патронов к пулемету осталось?

– Вот это прекрасный вопрос, Сергуня… Хорошо, что ты его задал, – сказал дядя Вова, глядя на меня флегматично. – У меня полная лента… Но одна.

– Не разгуляешься особенно, – вздохнул я. – Тогда ставлю тебе задачу: сохранить хотя бы пол-ленты.

– Но я вот о чем тут подумал, – продолжал дядя Вова взволнованно, – у нас же целая пиратская оружейка есть, ну, в которой мы сегодня утром очухались! Там же чего только не навалено! Там небось и базуку можно найти, ежели как следует покопаться! А уж наших семь-шестьдесят вторых патронов – полные цинки!

– И ну? – пожал плечами я.

– Хрены гну! Ты смекай! Мы сейчас для поднятия авторитета можем всю мою ленту высадить! А потом, если надо, еще в тот пиратский тайник сгоняем! Так что придумывай аттракцион позабористей!

Но я был непреклонен.

– Нет. Пол-ленты. А аттракцион я уже придумал. Ты рубишь очередями вот это, – я указал на четверку пальм, растущих из общего корня возле фонтана, изображающего семью резвящихся дельфинов. – А я надругаюсь над вон теми статуями… – и я кивнул на трех атлантов, которые удерживали на каменных плечах декоративный балкончик, прилепленный к ограде двора.

Я, откровенно говоря, боялся, что дядя Вова из форсу бандитского начнет поливать от бедра. То есть неприцельно. Из-за чего очереди пойдут черт знает

как и ему попросту не хватит патронов, чтобы надежно размочалить изрядной толщины пальмовые стволы.

Однако товарищ старшина свое дело знал.

Он взял от стола массивный деревянный стул и поставил его перед собой. Откинул сошки «Печенега», опустился на одно колено и надежно упер оружие в сиденье стула.

Пару раз глубоко вздохнул. Хорошо прицелился. И – понеслось!

Грохот, усиленный мраморной акустикой дворца, даже меня заставил рефлекторно присесть. Что уж говорить о толпе лучников и даже о хваленых боевых магах?

Иные выронили луки. Иные попадали на землю и зажали уши руками. Иные так и вовсе в панике побежали прочь со двора…

И только Бин Назим – как ни странно – остался сидеть на своем месте. Только мертвенная бледность его лица, помноженная на ужас, сияющий в его миндалевидных глазах, свидетельствовали о том, что демонстрация «железных палок» получила живой отклик в его утонченной душе.

Был и еще один субъект, продемонстрировавший завидное хладнокровие – тот самый боевой маг, который парализовал нас возле лавки, а потом «расколдовал» перед ужином у Бин Назима.

Маг стоял в первом ряду и не отрывал цепкий взгляд от дяди Вовы. Он буквально пожирал старшину и его «Печенег» глазами!

Мне бы следовало сразу догадаться, что он выполнял тайное поручение Бин Назима подобраться к секрету наших железных палок, изрыгающих огонь. Но я не догадался.

Мне было не до того!

Я с мальчишеским восторгом наблюдал за филигранной работой старшины.

Он сперва надсек пулями все четыре пальмовых ствола. И сделал это так расчетливо, что ни одно из деревьев не рухнуло прежде времени! А потом одним мощным финальным аккордом – длинной очередью – полоснул по деревьям.

Они рухнули все вместе, слаженно, как обязательно было бы в какой-нибудь разухабистой кинокомедии. Причем рухнули вперед, на зрителя! И вот последнее совсем не укладывалось у меня в голове: как стервец смог этого добиться? На каких кошечках тренировался?

Когда листва последней рухнувшей пальмы успокоилась, над внутренним двором воцарилась замогильная тишина.

И лишь спустя минуту после этой думственной паузы заговорил сам Бин Назим.

Его голос приобрел взволнованную хрипотцу, а интонации утратили приятную текучесть.

– Теперь… Пусть… Второй… – сказал он.

«Вторым» был я.

Я прекрасно понимал, что стрельба из автомата после могучей пулеметной арии будет выглядеть бледно, даже если я, к примеру, выбью пулями на заборе силуэт голой бабы (тем более что не выбью, не хватит сноровки).

Но, к счастью, у меня имелся подствольный гранатомет и выстрелы к нему.

Конечно, у меня не было уверенности, что такие найдутся в пиратском арсенале. А значит, мои кровные семь штучек осколочно-кумулятивных гранат были на вес золота.

Но ситуация обязывала.

Маги мы или пальцы собачьи?

Итак, я зарядил первый выстрел в свой гранатомет и прицелился в каменного чувака под балкончиком.

Думал эффектно отстрелить ему голову. Но потом побоялся, что промажу, и для надежности выпустил гранату в центр фигуры.

Ох и полетели же обломки по всему двору! Даже на обеденный стол крошки насыпало!

При этом выяснилось, что четырехметровая статуя вовсе не была вырублена из цельной скалы, как мне казалось раньше, а была набрана из отдельных каменных блоков. Поэтому после того как я выбил камень, соответствующий солнечному сплетению каменного атланта, его торс оторвался от рук, поддерживающих балкон, и истукан эффектно рухнул на землю.

– О всесильные боги! – воскликнул Бин Назим возмущенно. – Какая подлость! Подрядчик клялся мне, что статуи цельные! Прикажу немедленно скормить его змеям-краснозубам!

Я не стал отвлекаться на его темпераментную реплику, хотя мне было что сказать на тему воровитых прорабов, и довел демонстрацию до конца.

Второй гранатой я раскокал вторую статую. Затем – третью. После чего балкон рухнул вниз, довершая эпическую картину разгрома.

– У меня всё, – сказал я, обернувшись к Бин Назиму.

Он больше не был бледен и не производил впечатление смертельно подавленного зрелищем.

Наоборот, глаза его помаленечку разгорались. Как видно, в мозг этого прагматичного человека стали забредать первые мысли касательно того, как можно использовать магию такой силы.

Глава 6. Школа молодого бойца

Дворец наместника Бин Назима

Империя Алхимиков

Два дня мы с дядей Вовой жили как боги. У меня даже начало закрадываться подозрение, что нас кормят как свиней, на убой, и вот-вот во дворце наместника организуют званый ужин, на который нас обоих поджарят на вертеле и подадут в обкладке из печеных баклажанов и хлебов. Так сказать, с соусом бешамель.

Ведь иначе не бывает!

Сами посудите. Кормили нас шесть (шесть!) раз в день. Это называлось: первый завтрак, второй завтрак, третий завтрак, малый обед, большой обед и ужин.

И каждый раз не менее трех блюд.

Вначале мы, конечно, ели как не в себя. Чтобы не сказать «жрали». Все было таким вкусным, хотя и диковинным!

Мне особенно полюбилась жареная акулятина. Своеобразное белое мясо без капельки жира, ни на что другое не похожее, запало мне в душу!

А вот дядя Вова балдел от фазанов, которых я обзывал гламурными курицами.

– Это в сто раз лучше наших окорочков! Нет! В двести! Ты попробуй! Главное, тут все без гормонов! Без химикатов!

Но сколько я ни пробовал фазанятину, по-настоящему въехать в это жесткое, пережаренное и перемаринованное мясо так и не мог.

А вот когда я попросил у девушек, которые сервировали нам стол, обычной свинины или говядины (просто чтобы сравнить стиль нашего корабельного кока Чемеричкина со стилем дворцового шефа, которого все уважительно звали Большой Лулу), девушки лишь развели руками. Мол, не знаем таких и как готовить, понятия не имеем…

Впрочем, в основе рациона все же лежали привычные нам продукты.

Хлеб был явно выпечен из пшеницы твердого сорта.

Сыр тоже был более-менее знаком, хотя я и выведал, что делают его из козьего, а не из коровьего молока.

А вот десерты… Таких десертов я отродясь не едал – а ведь я сластена с двадцатипятилетним стажем!

Десерты имели поэтические названия, от которых хотелось немедленно выпить.

«Теплый снег», «Закат над осенним морем», «Роса шести цветков»…

Кстати, о «выпить».

Вино у нас было трех видов: финиковое, инжирное и вишневое.

Поначалу это дело было в диковинку, и хотя голова потом, «с перебору», болела адски, мы с дядей Вовой, что называется, себе не отказывали. Но вот когда я попросил по-простому водочки, наши милые подавальщицы снова принялись хлопать длиннющими ресницами и переглядываться. Мол, не знаем такого слова. Какая такая водочка?

Дядя Вова пытался втолковать им что-то про брагу, про процесс брожения, в результате которого образуется алкоголь, и про перегонку с возгонкой. Но девушки только глупо хихикали и по привычке строили старшине глазки.

Когда же мы потребовали пива (чисто от скуки, надо сказать), девушки вытаращились на нас, как мне даже показалось, брезгливо.

И переспросили, точно ли мы имеем в виду то самое пиво?

А когда мы настояли на том, что да, то самое, одна из них, черноглазая красотка Зара, таинственно понизив голос, объяснила нам, что вельможи, воины и сановники того уровня, к которому мы, несомненно, принадлежим, не должны

ронять своего достоинства, употребляя напиток сельской бедноты.

– Сановники, – причмокнул дядя Вова, светясь от счастья. – Вельможи…

Я, чтобы спасти наше реноме и в то же время не остаться без пивасика (от сладкого инжирного вина буквально слипалось внутри!), на ходу сконструировал версию: у нас, дескать, на родине, воины обязательно пьют иногда напитки бедноты, чтобы понимать, как тяжела жизнь простого народа, который мы еженощно защищаем. И что, мол, нельзя отрываться от корней.

Девчонки, похоже, обалдели от нашего демократизма и резво убежали на кухню с нашим пожеланием.

В итоге компромисс был достигнут: пиво нам подали в четырех хрустальных чашах, на золотых подносах и с тем же набором фруктов, сыров и сладостей, что и вино.

К пиву прилагались четыре танцовщицы с плясками, которые мы с удовольствием засмотрели.

А старшая из наших подавальщиц, увешанная браслетами и украшениями Кита, прошептала мне на ухо, что если нам нравятся какие-то из этих плясуний, то мы можем просто позвать их в свои покои в любой момент.

– Просто позвать – и все?

– Просто позвать и все, – буднично кивнула Кита.

Я, конечно, подозревал что-то такое… Но одно дело «подозревал», а другое дело – в реальности!

Когда мы снова остались наедине с дядей Вовой и недопитым пивом – в ушах еще звенели бубны и там-тамы, – мы первым делом принялись обсуждать щедрое предложение наших гостеприимцев.

По выражению лица дяди Вовы я сразу понял, что старшина в глубоких сомнениях.

– Они, конечно, симпатичные девчонки… Танцовщицы эти… Но мне больше нравится та подавальщица, ну, черненькая…

– Так они все черненькие.

– Ну, черненькая с тремя косами. У которой ожерелье на шее голубое.

– Зара, что ли? – Я кое-как сумел запомнить наших прислужниц по именам.

– Да, Зара.

– Ну так скажи ей, что она тебе нравится! Делов-то.

– Пытался. Она отворачивается. А вчера даже пощечину мне залепила! Вот так вот…

– Цену себе набивает, – сказал я цинично.

Вообще-то я не циник. И верю в любовь с первого взгляда. Но мне показалось, что отказ Зары так расстроил дядю Вову, что его срочно нужно утешить и желательно погрубее.

– Дядь Вова, послушай… Ну ладно, я Ксюху люблю, хотя она меня и прогнала, зараза такая… Но ты-то одинокий мужчина, холостой, ты бы мог и с танцовщицами, раз Зара не того, с пощечинами…

– Знаешь, от этих танцовщиц – одни болезни. Вон мичман наш Карский три месяца лечился после того стрип-клуба вьетнамского! Я без резины вообще не люблю вот это самое с кем попало… Жизнь дороже! У них тут видишь какая дикость? Даже во дворце электричества нет!

– Если б только электричества. Вместо туалетной бумаги – шелковые салфетки…

Тему «где мы очутились» мы с дядей Вовой старательно избегали. В первый же вечер, когда стражники Бин Назима привели нас в наши президентские апартаменты, я схватился за все мыслимые приборы связи и навигации своего «Ратника».

В течение часа я последовательно удостоверился в том, что система навигации «не может найти спутник», что в эфире напрочь отсутствуют сигналы 3G, 4G, GSM и, ясен перец, WiFi. Ну а дядя Вова, перебрав все диапазоны своего радиоприемника, не нашел ни вездесущих цэрэушных цифровых радиостанций, ни военно-морского флота США, ничего нашего и ничего арабского. Эфир казался девственным, как во времена плейстоцена…

Но думать об этом было страшно. Потому что непонятно, что из этого следовало.

Точнее, понятно: что-то вроде «домой ты больше не вернешься». А кому такое понравится?

Короче, мы с дядей Вовой как-то молчаливо сошлись на устраивающем наши хрупкие сознания компромиссе, что мы «в какой-то африканской глуши». И всё со временем «само собой наладится…»

Но чтобы спасти вверенное мне подразделение от морального разложения, чтобы, так сказать, не прозевать голос Родины, если он вдруг прорежется через ничто, я приказал нести круглосуточную радиовахту.

Фактически это означало, что мы с дядей Вовой попеременно раз в шесть часов включали на пару минут (батарейки-то надо было беречь в этом плейстоцене!) рацию и шарили в эфире…

А утром третьего дня, как раз после третьего завтрака из пива и чебуреков (только не смейтесь; мучимые ностальгией, мы с дядей Вовой научили повара Лулу их для нас лепить и жарить!), мы отправились в гости к Бин Назиму.

Разумеется, мы сделали это только потому, что Бин Назим нас пригласил. Вообще-то нам не разрешалось выбирать места для посещений, да и вообще мы не имели права по собственному произволению покидать нашу золотую клетку с

шестиразовым кормлением.

Нас снова принимали в том же внутреннем дворе с фонтанами.

На месте скошенных дяди-Вовиным «Печенегом» пальм теперь зеленели листвой какие-то, условно говоря, магнолии, высаженные явно уже взрослыми.

А вот скульптуры, павшие жертвой моего вандализма, так быстро восстановить не успели…

С другой стороны, чему удивляться? Старого подрядчика, значит, отдали змеям-краснозубам, а нового найти пока не успели…

Бин Назим, хотя держался ровно и дружелюбно, все же выглядел опечаленным. Возможно, настроение ему испортили трое граждан, что смирно сидели поодаль – среди них я вновь узнал боевого мага, который нас парализовал (вскоре выяснилось, его зовут Кадам).

А возможно, он был печален печалью сверхбогатых и сверхмогущественных людей, которые поели уже семь раз, выпили два литра вина, познали трех девственниц и… ощутили, что им ничегошеньки больше не хочется, что уже «не лезет»… Эту новую для меня печаль я начал за последние дни немножечко понимать.

– Гляди-ка, наше барахлишко, – вполголоса сказал дядя Вова, указывая на ковер рядом с Бин Назимом, где было почтительно разложено всё конфискованное у нас огнестрельное оружие.

То, что его кто-то лапал, я понял сразу и даже издали.

Из ленты «Печенега» была бессистемно повыдергана часть патронов.

Из моего автомата выдрали шомпол, пенал с инструментом (в армии говорят, конечно, «с принадлежностью») и довольно-таки бесцеремонно открутили от верхней планки Пикатини коллиматорный прицел, купленный мною, между прочим, на свои кровные.

Как я ни пытался скрыть свое раздражение по этому поводу, сделать это мне не удалось – чуткий Бин Назим перехватил мой взгляд и спросил:

– Всем ли довольны мои дорогие гости? Услаждают ли их должным образом?

– Ну… В общем, жаловаться не на что, – ответил я вяло.

– Услаждают. Боль-мень, – сказал дядя Вова, сделав загадочный подкручивающий жест рукой.

– В таком случае почему ты нахмурился, огнеборный Сергей?

– Честно? – Я вдруг подумал: «А чего тут, собственно, миндальничать?» – Меня разозлило то, как вы обошлись с моей железной палкой. Она мне очень дорога и, кстати, стоит изрядных денег!

Бин Назим закивал – мол, понимаю. И, поразмыслив, сказал:

– Если бы человек, который сделал это, не был бы мне так дорог, а я говорю о Кадаме. – Боевой маг, заслышав свое имя, склонился в легком церемониальном поклоне. – Я бы приказал отдать его на растерзание змеям-краснозубам. Но я не могу сделать этого – ведь он лишь просто выполнял мой приказ. Поэтому я просто скажу, что сожалею…

Я с вельможной значительностью покивал головой – мол, сожаления приняты.

– Но у меня есть превосходное предложение, – продолжал Бин Назим, – приняв которое, вы познаете всю полноту моей щедрости, и сердца ваши возрадуются.

– Хм… Неплохо бы! – оживился дядя Вова.

– Я хочу, чтобы вы научили моих боевых магов обращаться с вашим удивительным оружием. И как только Кадам или кто-либо из его учеников поразит хотя бы одну цель из твоей железной палки, я выплачу каждому из вас по тысяче золотых монет!

Назим поглядел на нас пытливо, явно надеясь, что мы упадем в обморок от восторга.

Но в тот день моя голова была прочно оккупирована вопросами о том, как нам побыстрее достичь ближайшего консульства Российской Федерации. Поэтому я ответил с равнодушием потомственного ломщика валюты с ночного вокзала.

– Предложение неплохое. Но хотелось бы еще кое-чего…

А вот дядя Вова, в отличие от меня, предложением проникся и горячо зашептал, пихая меня локтем в бок.

– Сережа, ты вообще здоров на голову? Даже если их золотой весит десять граммов, тысяча золотых это десять кило. Десять кило золота! Да это по нынешнему курсу не меньше ста тыщ! Каждому! И это всё за то, что ты покажешь этим дикарям, то есть я хотел сказать почтенным людям, как снять «калаш» с предохранителя и передернуть затвор!

– Старшина Незванов! – строго сказал я. – Помолчите, пожалуйста.

Дядя Вова уже знал: если я начинаю вспоминать о субординации, значит, момент важный и действительно надо помолчать.

– Уважаемый господин наместник, – обратился я к Бин Назиму и сделал такое выражение лица, какое делает глава нашего МИДа, когда козлит вражин на международных ассамблеях. – Мы просим, в придачу к золотым, чтобы вы дали нам корабль для дальних морских путешествий. И команду. Потому что наше основное желание – как можно скорее попасть на Родину.

Хоть психолог из меня и никудышный, даже я заметил, что у Бин Назима отлегло от сердца. Похоже, он ожидал, что я попрошу у него полцарства. И, кажется, даже был готов с ним расстаться!

Короче, по лицу наместника я понял, что, по его мнению, мы страшно продешевили.

Итак, мы ударили по рукам, и дядя Вова принялся обучать Кадама азам начальной военной подготовки.

– Автомат Калашникова «АК-12» калибра 5,45 миллиметра состоит из следующих основных частей… – дядя Вова поглядел на Кадама наставительно.

При слове «частей» пальцы дяди Вовы с проворством пианиста пробежались по моему верному оружию и нажали на соответствующие защелки. Бряк-бряк – и автомат эффектно разложился на составные части. Ну там, крышку ствольной коробки, газовую трубку и тэ пэ – вы наверняка знаете.

Бин Назим и маги изумленно ахнули. Как видно, на них действовала магия словосочетания «железная палка». Раз «палка» – значит, должна быть цельная. И потом, похоже, что ребята в этой своей дикой Африке никогда не видели ничего сложнее арбалета!

Тем временем дядя Вова продолжал:

– Да-да, из следующих основных частей… Ствола… Ствольной коробки… Газоотводной трубки… Затворной рамы с газовым поршнем… Ударно-спускового механизма… Возвратного механизма… – Дядя Вова степенно тыкал шомполом в соответствующие детали, которые он только что разложил на ковре.

– При производстве выстрела патрон подается под воздействием толкающей пружины магазина в патронник ствола, где по нему бьет ударник…

Судя по сложному лицу Кадама, боевой маг был на грани паники. Ясное дело, благодаря лингвистическому чудо-эликсиру он понимал каждое произносимое дядей Вовой слово, но в то же время его мозг был не в состоянии как-либо переварить услышанное.

Но парень был не промах. Он степенно кивал и делал пометки на листе папируса (чернильница-непроливашка висела у него на поясе, как, впрочем, и у всех виденных нами местных чиновников). Два его ученика тоже послушно кивали и что-то конспектировали.

Пока дядя Вова давал молодым бойцам теорию, я, чтобы чем-то себя занять, перебрал его «Печенег» – ничего ли не испортили эти ботаники?

Как оказалось, трудился я не зря.

Шаловливые ручонки анонима умудрились забить ни в чем не повинное оружие аж тремя посторонними предметами. Под крышкой ствольной коробки обнаружился некий зловещий амулет из сушеной лапки (то ли тушканьей, то ли летучей мыши). В ствол запихнули (шомполом, что ли?) обмазанную жиром веревку, да там и забыли. А под переключателем режимов огня нашелся кусочек папируса с надписью, которую я не смог прочитать даже несмотря на эликсир (как выяснилось впоследствии, для того, чтобы понимать письменную речь, требовался еще один эликсир, куда более дорогой).

Наконец дядя Вова собрал автомат обратно и перешел к тому, с чего, по моему мнению, надо было начинать. А именно, показал как примкнуть магазин, снять оружие с предохранителя, взвести затвор и – ура-ура! – произвести выстрел.

В качестве мишени слуги вынесли несколько деревянных колод – как ни бахвалился Бин Назим, а все время ликвидировать разгромы в любимом садике с фонтанами было напряжно даже для таких богатеев, как он.

Ну, выстрел и выстрел.

Нужно ли говорить о том, что в умелых руках дяди Вовы мой автомат сработал штатно и пули с тихим чавканьем исчезли в глубинах колоды?

Затем дядя Вова отсоединил магазин, поставил оружие на предохранитель и передал автомат Кадаму.

– Теперь ты, – сказал он.

К чести Кадама следует отметить, что он был достаточно ловок и не робел. Уже со второго раза все у него прекрасно получилось. Маг примкнул магазин в точности так, как учил его наставник.

То же касалось и перевода предохранителя в положение «стрельба одиночными» и взведения затвора.

– Ну, стреляй, чего уже, – поощрил мага дядя Вова. – Приклад в плечо и нажимай на крючок.

Кадам послушно поднял оружие, неловко приладился к нему и нажал на спусковой крючок.

Выстрела, однако, не последовало.

Осечка.

Дядя Вова чертыхнулся. Отобрал оружие. Проделал все необходимые манипуляции и удостоверился, что со спуском в автомате все нормально.

В колоде застряли еще несколько пуль, выпущенных старшиной.

Теперь дядя Вова не стал усложнять задачу Кадама. Он полностью подготовил его к стрельбе сам, взвел затвор и уже в таком виде бережно передал оружие боевому магу.

Тот нажимал и нажимал на спусковой крючок. Но механизм «АК-12» не слушался его. Не слушался – и всё!

В мою голову стали закрадываться подозрения, которые, увы, только окрепли, когда мы взялись дрючить «Печенег».

С «Печенегом» мы обошлись без вводных лекций и перешли сразу к практике.

Но результат был тем же самым: ни Кадам, ни его ученики, ни даже Бин Назим, который, конечно, не остался в стороне от этого шоу, не смогли сделать ни одного выстрела! Даже мой пистолет «ПЯ» – и тот, зараза, хотел слушаться только нас с дядей Вовой…

Таким образом, мы практическим путем укрепили наших друзей в мысли, что мы настолько запредельные в своей квалификации маги, что никто из местных просто не может с нами тягаться. Уровень не тот!

Не сказать, чтобы это так радовало Бин Назима.

Ну а Кадам – тот был просто в бешенстве (судя по тому, как налились кровью его и без того не сильно ласковые глаза).

Но расстались мы друзьями. Уже глубокой ночью Бин Назим велел проводить нас в наши покои (звучит-то, звучит как, а? «Наши покои»!).

– Я должен еще подумать, – несколько раз повторил он.

Дядя Вова пытался было заикнуться об обещанной тысяче золотых, но по лицу Бин Назима я сразу понял, что наш баснословный контракт он считает неотработанным.

Честно скажу, мы с дядей Вовой, несмотря на нарочито понурый вид, не сильно расстроились, ведь в наших комнатах нас ждали четыре хрустальных кубка пива, обед, ужин и голопупые танцовщицы.

Глава 7. У вечности есть рога

Дворец наместника Бин Назима

Империя Алхимиков

Прошло еще два дня, которые мы с дядей Вовой провели без претензий – в усладах плоти и мечтах о скором освобождении из золотой клетки.

Затем нас наконец вновь позвали к Бин Назиму.

На сей раз он не выглядел печальным. Напротив, его умные глаза, казалось, были преисполнены планов.

– Вчерашний день был для меня днем траура… – начал Бин Назим, приглашая нас к столу, который на этот раз не вызвал у меня никакого интереса (после шестиразовой кормежки-то!).

– Кто-то умер? – спросил я, скорее симулируя участие, нежели действительно сопереживая.

– Да. Я хоронил свою надежду овладеть секретом ваших огнетворных палок, – вздохнул наместник.

– И что же, похороны прошли… хм… успешно? – осведомился дядя Вова.

– Я бы сказал, результативно, – кивнул Бин Назим. – И сегодня у меня день новых начинаний.

– Вот это правильно, – льстиво осклабился я. (Я заметил, что повышенно комфортные условия жизни как-то незаметно начали превращать меня в типичного царедворца: внимательного к мельчайшим колебаниям настроения сюзерена, осторожного, как дикая кошка, и способного без колебаний говорить ничего не значащую гладенькую ерунду с таким видом, будто изрекается судьбоносная и великая истина.)

– Что начинать будем? – спросил дядя Вова, который даже в тех шелковых и крюшоновых испытаниях, что выпали нашим небалованным организмам, не утратил своей матросской прямоты.

– Вот! Своевременный вопрос! – похвалил старшину наместник. – Скажу без обиняков. Я хочу жениться. Но отец девушки, точнее, ее дядя, наш дорогой император Готам, пока что не очень-то видит меня в качестве жениха для своей племянницы.

– Горько это слышать, – отозвался я дипломатично.

– Но с каждым днем любовь разгорается в моем сердце все сильнее. Ее сила такова, что она может даже убить меня! Разорвать напополам! Испепелить! – Глаза Бин Назима горели.

– Господи помилуй, – сказал дядя Вова вполголоса.

– Чтобы этого не произошло, мы, я имею в виду вас и меня, должны похитить мою избранницу. И тогда неистовое пламя моей любви получит возможность предстать ровным огнем семейного очага!

– То есть в случае похищения дядя против брака возражать не будет? – перед тем как подписываться на всякие авантюры, я хотел внести ясность.

– Это мы увидим, только когда вы привезете Амиту сюда.

– Невесту зовут Амита?

– Да.

– Красивая небось? – спросил я, с нежной улыбкой вспоминая свою Ксюху, ее тончайшую талию, ее кудрявую головку и разноцветные маникюры, которые я, лопух, только и делал, что путал с педикюрами.

– Не имею ни малейшего понятия, – сказал Бин Назим деловито.

– Вы серьезно, что ли?

– Разумеется, – степенно кивнул наместник, демонстрируя полное равнодушие.

– Но подождите… Вы же только что говорили: «пламя любви»… «испепелит»… «надобен семейный очаг»…

– Говорил. И что?

Бин Назим поглядел на меня недоуменно, словно хотел добавить: «Все так говорят, потому что так говорить положено. Какие тут могут быть вопросы?»

И тут я понял, что дело, которое он хочет нам поручить, носит скорее политический характер, нежели любовный.

– Сейчас наш дорогой император держит мою Амиту в оазисе Вади-Вурайя, – продолжал Бин Назим. – В центре оазиса простерлось озеро Глаза Вечности, окруженное тысячью тысяч пальм! А над ним, на неприступном утесе, белеет крепость Рог Вечности…

– Таким образом установлено, что у вечности есть не только глаза, но и рога, – хохотнул дядя Вова, и я с неодобрением подумал, что он, похоже, перебрал пива за завтраком.

– Скажите, а далеко этот оазис от нас? – спросил я.

– Семь дней пути морем. И два дневных перехода по пустыне, – ответил Бин Назим.

– А в какой стороне света? – не унимался я.

– На востоке. Но, сказать по правде, я не мореход и не землемер! А потому в подобных вопросах вам придется полагаться не на меня, а на моих доверенных людей!

Вам, наверное, интересно знать, на кой ляд я сразу взялся уточнять, где этот загадочный оазис Вади-Вурайя.

Объясню. Меня интересовало, намерен ли Бин Назим загнать нас куда-то в глубь Африки или же мы поплывем по Индийскому океану.

В чем разница? Разница огромная! В глубине африканского континента вероятность найти консульство России падала почти до нуля. В то время как в описанном Бин Назимом направлении, и я твердо знал это, лежало Аравийское море. Которое омывало вполне обжитые страны. В первую очередь Оман и Объединенные Арабские Эмираты. А Оман с Эмиратами набиты не только русскими консулами, но и русскими туристами, торговцами, танцовщицами, карманниками, риелторами и невесть кем еще. Так что слова Бин Назима внушили мне умеренный оптимизм. Невеста или не невеста, а улизнуть по

дороге и пасть в объятия родного консула мы с дядей Вовой очень даже могли рассчитывать…

Однако кричать «Мы согласны!» я не спешил. Надо было для порядка поторговаться – ведь мы же, черт возьми, на Востоке!

А потому я заявил:

– Любовь – это возвышенное чувство. И мы с моим другом всегда готовы помочь влюбленным при помощи силы нашего волшебного оружия, – я указал рукой на свой «АК-12» и на «Печенег» дяди Вовы, которые все еще лежали там же, где мы оставили их после неудачных попыток обучить здешних долдонов результативной стрельбе или, как они выражались, «огнеборной магии»:

– Однако мы хотели бы знать, каковы будут размеры той благодарности, которую столь щедрый правитель, как вы, изольет на наши головы, ежели мы доставим ему невесту?

Бин Назим, похоже, был готов к этому вопросу. Выражение его лица сделалось скучным, каким-то даже заприлавочным, и он сказал:

– Начнем с того, что я прощу вам долг за двух василисков…

– Долг? За василисков?! – я ужаснулся. Эдак он сейчас и за постой денег потребует! За пиво! За третьи завтраки и четвертые ужины!

– Разумеется. Каждое из тех животных, что были под стражниками, которые выполняли свой долг и пытались вас арестовать, стоило по сто золотых. А стало быть, своей огнеборной магией вы лишили меня ценного имущества.

– А вот это, знаете ли, как-то нехорошо! Это как-то… по-ментовски! – сердито вскричал дядя Вова. – То есть мы вам невесту, а вы нам долг простите, да?!

– Разумеется, не только это. Ты же знаешь, я умею заинтересовать людей! – сказал Бин Назим самодовольно. – Если вы вернетесь с Амитой, я пожалую каждому из вас ту сумму, о которой мы говорили два дня назад.

– И корабль в придачу? – напомнил я, как и два дня назад.

– И корабль. Хотя я так и не смог понять, что именно вы надеетесь найти, плывя на север. Любому высокородному человеку известно, что там простирается бескрайняя Гиперборея. Там живут нелюди с песьими головами, с неба сыплется сухая холодная вода и тело сокрушают ледяные ветры…

– Ну, чье сокрушает, а чье и не сильно, – заметил дядя Вова, забрасывая в пасть засахаренный орешек.

– То есть вы согласны? – спросил Бин Назим, гипнотически глядя мне в глаза.

– Вообще-то нет. Я не думаю, что мы, даже со своими железными палками грандиозной огневой мощи, сможем вдвоем взять штурмом настоящую большую крепость… Это, буду откровенен, непосильная задача даже для таких супервоинов, как мы!

– Но от вас это и не требуется! В помощь вам я снаряжаю целый отряд. В него войдут три боевых мага и сорок отборных стрелков со всем необходимым для проникновения в крепость!

– Уже легче, – воспрянул дядя Вова.

– Также с вами отправится мой советник Шень Ди, а в качестве персонального стража я передам вам своего собственного разумного голема, великана Тутарбана!

– Голема? Это что-то типа зомби? – Дядя Вова поглядел на меня с детским испугом.

– Это что-то типа терминатора, – усмехнулся я. – Только из волшебной глины. Я такого в кино видел.

И сказал, уже адресуясь к наместнику:

– Коли так, мы, пожалуй, согласимся. Больно нам во дворце надоело – мы же все-таки воины, а не профессиональные гедонисты… Но прежде чем мы отправимся

в порт, я хотел бы попросить человек десять носильщиков, да поплечистее.

– Зачем это?!. – вскинулся Бин Назим. Но, тут же сообразив, что положение обязывает к большей расслабленности, добавил:

– Мне не жалко, конечно. Я могу снарядить с вами и сотню отборных силачей! Хотите сотню?

– Десятка хватит. Дело в том, что у нас в городе есть тайник. В этом тайнике лежат вещи, которые будут нам крайне необходимы в ходе путешествия за вашей невестой.

Дядя Вова посмотрел на меня как на сумасшедшего. Какой, мол, тайник в городе?

– Там, в нашем тайнике, лежат еще несколько железных палок. А с ними железные ананасы, железные финики и маслины, в общем, не заскучаешь…

При упоминании о «железных маслинах» до дяди Вовы, который, конечно, никогда особой живостью ума не блистал, наконец дошло. Он хлопнул себя по лбу ладонью и сделал гримасу в духе «как я мог забыть»?

– Отправитесь завтра на рассвете, – подытожил Бин Назим.

– Так точно, о повелитель, – ответил я с елейной улыбочкой прожженного царедворца.

Глава 8. «Голодный кракен»

На борту галеаса «Голодный кракен»

Жемчужное море

Не знаю, как дядя Вова, а я лично – морская душа.

Поэтому свой рассказ о нашем путешествии за принцессой Амитой я начну с описания корабля, на котором мы отплыли.

Корабль именовался «Голодный кракен» и являл собою большой галеас. Да-да, именно галеас, а не галеон или галеру! (Вы угадали, всё детство я провел, собирая модели кораблей в Доме творчества молодежи, и я знаю, о чем говорю!)

Галеас – это такой массивный, широкий парусно-гребной корабль. Естественно, не все галеасы похожи друг на друга как две капли воды. Детали корабельной архитектуры разнятся. Например, в носу и корме нашего имелись громоздкие многоярусные надстройки, этакими балконами вывешенные за форштевень и ахтерштевень. Назывались они форкастль и ахтеркастль соответственно.

Еще наш галеас располагал тремя мачтами с огромными прямыми парусами и просторной гребной палубой. На ней по каждому борту размещались двадцать шесть скамей для двух гребцов. Каждая пара гребцов ворочала огромным веслом, весящим, если судить по виду, килограммов под сто. Я лично вообще не мог понять, как с этой штукой управляются два мужичка средней комплекции, внешне и по манерам похожих на наших сибирских дальнобойщиков.

Поняли, в чем главная фишка галеаса?

Каким бы ни был ветер, хоть бы даже и встречным, галеас все равно сможет двигаться намеченным курсом. То же касается и полного безветрия. Потому что весла – это весла.

«Голодный кракен» принадлежал лично наместнику Бин Назиму. Но наместник, вместе со всеми своими подданными, был вассалом императора (того самого великого Готама, смазливую племяшку которого мы как раз собирались умыкнуть). Соответственно, наш «Голодный кракен» принадлежал к императорскому флоту.

Причем, как я понял, к его элитной части. Потому что паруса у нас были (о, вы никогда не угадаете!) золотые. Не в смысле, конечно, из металла. Но пошиты они были из самой настоящей золотой парчи.

Вот так-то! Куда там капитану Грею и его симпатичной телочке из провинциального приморского города!

Из-за двойного подчинения над кораблем развивались два гигантских штандарта. На одном красовались уже знакомые нам три дерева и два сокола (штандарт Бин Назима), на другом – имперский стяг.

В центре стяга чванилась какая-то реторта (говорю это слово за незнанием более точного). Мимо реторты элегантно скользила глупоглазая ящерица, а позади рептилии блестела глянцевитой листвой ветка лавра.

– Судя по гербу, в империи самогонку варят из ящериц с лаврушкой, – заметил дядя Вова.

Каюты тоже были украшены получше наших на «Ретивом». И хотя, конечно, никакого туалета в привычном нам смысле там не было, как и, к примеру, умывальника, зато белье было батистовым, подушек полагалось аж три штуки на человека, а ноги утопали в длиннорунном покрывале из бараньих шкур. Люкс!

Но главным украшением галеаса была, несомненно, ростральная фигура – как и положено любому уважающему себя кораблю минувших эпох.

Фигура морского монстра была выполнена с таким дотошным реализмом, что от одного взгляда на гада бежал мороз по коже.

Алые, отлитые из сортного стекла, напоминающего хрусталь, глаза кракена глядели в непроглядные дали моря, а его щупальца, казалось, мерились силой с набегающими ветрами.

Я так понял, что, по мнению резчика, это было изображение гигантского океанского осьминога. Но лично на мой вкус, вышел типичный уэллсовский марсианин… То есть страховидное чудище, которое питается исключительно чужой кровью.

Этой мыслью я и поделился с дядей Вовой, чтобы немного поднять ему настроение – стоило нам взойти на корабль, как старшина весьма явно загрустил.

– А лучше бы баба с сиськами была, как обычно, – угрюмо буркнул в ответ он. – От всяких уродов всегда проблемы… Вдуматься только: покровитель судна – осьминог!

В словах старшины было больше правды, чем мне хотелось признать. Как и он, я задним местом чуял недоброе.

Команда была под стать своему кораблю.

Всем и вся на «Голодном кракене» заправлял капитан Курр, человек замкнутый, грубый и совершенно нерасположенный к разговорам. На нас с дядей Вовой он глядел как на вшей.

Нашу поклажу (состоящую в основном из замотанных в ковры пулеметов и из ящиков с патронами) он проводил взглядом, исполненным неприязни, а затем долго ругался с Шень Ди из-за кают. В общем, вел себя не самым располагающим образом.

На палубе верховодил боцман Камель: рослый, плечистый детина за сорок, с гладко выбритым затылком и кирпично-красным лицом.

Татуировка у боцмана была лишь одна – и это было лицо красивой женщины, выбитое на правой стороне груди. Мне хотелось видеть в этом отзвук какой-то особенно романтической истории. Но дядя Вова считал, что это собирательный образ всех портовых женщин, встреченных боцманом на его длинном пути по морям и волнам.

Заговаривать с Камелем меня почему-то не тянуло. А вот дядя Вова с удовольствием часами точил с ним лясы – как я понял, обсуждали местную рыбалку.

Мне лично больше был по нраву штурман Рахбар. Невысокий, немногословный, с располагающими манерами человека, поднявшегося к своему нынешнему положению из самых низов, он в первый же вечер пригласил нас с дядей Вовой на чашечку рома в свою каюту. В общем, показал себя компанейским мужиком.

Ну а большинство тех, кто плыл с нами на «Голодном кракене», мы по именам так и не узнали. Что, согласитесь, неудивительно. Кто-то анонимный налегал на весла, когда пропадал ветер. Кто-то безымянный заваривал нам чай (к слову, замечательный!). Кто-то переставлял паруса, кто-то драил палубу.

Ну а мы с дядей Вовой по преимуществу валялись на своих койках – как «сановникам и вельможам», нам разрешалось – и били баклуши. Ясное дело, что при таком нашем социальном положении весь честной трудовой люд «Голодного кракена» контактировать с нами боялся до дрожи. Так что было не до общения и знакомств.

Помимо экипажа на борту корабля находилось еще человек пятьдесят.

Большую часть от этого количества составляла рота лучников. Тут, правда, каждое слово следовало бы взять в кавычки. Численностью эта «рота» равнялась нашему взводу. А входящие в ее состав лучники были, по моему разумению, универсальными тяжеловооруженными пехотинцами.

Кроме огромных луков, сделанных, к слову, из длиннейших рогов неких неизвестных мне козлов, у них имелись кривые мечи, длинные пики и тяжелые защитные доспехи, состоящие из нагрудника, юбки, наплечников, налокотников, наколенников и шлема.

Также в наш отряд похитителей принцессы вошел уже известный нам маг Кадам со своими кислорожими подручными, которые именовались возвышенным словом «адепты».

Надо всем этим стояла, так сказать, «секция управления»: узкоглазый, похожий на исхудавшего Джеки Чана доверенный человек наместника по имени Шень Ди (дядя Вова начал звать его за глаза Шаолинем) и угрюмый, вечно молчащий голем Тутарбан (которого старшина прозвал Тутси).

– Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота… Чижика, собаку, петьку-забияку, обезьяну, попугая, вот компания какая! – пропел дядя Вова, глядя на то, как в сизом тумане тает абрис крепости «Три дерева».

Навалявшись в каюте до икоты, мы отправились гулять.

Вначале мы спустились в трюм – туда, где работали гребцы. Но запах пота и концентрированного физического страдания, исходивший от работающих на износ мужских тел, был таким сильным, что… у меня буквально закружилась голова, как у какой-нибудь кисейной барышни девятнадцатого века во время кульминации иноземной оперы про нелегкую судьбу куртизанок!

Когда я стоял рядом с барабанщиком, отбивавшим ритм для гребцов, я чувствовал себя рабовладельцем. Человеком, который волей, принуждением и силою неправедных законов превратил свободных людей в без роздыху трудящийся скот! Ох и мерзкое же это было самоощущение…

Затем мы пошли на камбуз.

Гладко выбритый и щеголевато причесанный кок по имени Магон – сухонький, пятидесятилетний мужичонка в опрятном халате – принял нас приветливо и даже поднес нам по чарке кизилового вина. Однако его нарочитая ласковость не обманула меня: в его холодных глазах я сразу прочел стальную волю и способность не задумываясь украсть, предать или убить, если потребуется.

Рядом с Магоном трудились четверо подростков. Молодые поварята явно боялись своего шефа Магона пуще, чем религиозные фанатики боятся козней диавола.

На палубе – после камбуза и трюма – было просто как на курорте: свежий ветер, сияющие дали, гипнотизирующий скрип корабельной снасти.

Я то и дело поглядывал на левый борт с затаенной надеждой увидеть землю, ведь я хорошо помнил, что мы, следуя на восток, к северу от себя должны иметь Аравийский полуостров. А именно, расположенный на его южной оконечности Йемен.

Но вместо земли моему взору открылись два корабля. Один из них, как и наш, шел под золотыми парусами, ослепительно блестевшими на солнце, и, стало быть, принадлежал к имперскому боевому флоту.

Ну а второй парусник, похоже, был просто «купцом».

Штурман Рахбар, неожиданно появившийся справа от меня, указал на приближающиеся корабли:

– Капитан Нур очень точен. Он обещал прийти в точку рандеву в полдень и не опоздал ни на минуту!

– Похвальное качество, – сказал я. – Я так понимаю, что мы дальше пойдем вместе?

– Конечно, – кивнул Рахбар. – Так безопасней.

– Неужели мы, такие большие, боимся пиратов? – спросил я иронично.

– Пиратов – нет, – Рахбар отрицательно покачал головой.

– Тогда – кого?

– Знаете что? Приходите ко мне вечером в каюту, промочим горло, и я вам обо всем расскажу. А сейчас я должен вернуться к своим обязанностям.

Предложение Рахбара заронило в мою душу зерно любопытства: о чем таком собирается поведать штурман? И что тут в принципе может быть опасного – ну, ежели не пираты?

Но додумать свою мысль я не успел – меня отвлек дядя Вова.

– Вообще-то при встрече военным кораблям полагается салютовать. По морскому закону, – сказал он, не сводя взгляда с приближающихся союзников.

– А ты у них, что ли, где-то видел пушки? Чтобы ими салютовать? – спросил я.

– Ну вообще-то не видел. У них на фордеке только какая-то ерундень вроде гигантских луков… Есть какое-то мудреное слово, которым это называется.

– Катапульта, – подсказал я.

– Ага! Катапульта! – радостно подхватил дядя Вова. – Но это то, что открыто стоит… А еще у них между рострами и ватерлинией имеются два вместительных порта, сейчас они закрыты… Но по виду – они самые настоящие пушечные… Так что, думаю, какой-то главный калибр там припрятан.

– Глубоко копаешь, – ухмыльнулся я. – Может, они через эти порты русалок по ночам принимают?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zorich_aleksandr/morpeh-pobeditel-magov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить